

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СИНАЙСКАГО БОГОМОЛЬЦА.

IV.

Монастырь св. муч. Екатерины 3 Авг. 1870 года.

Придорожный камень скрывалъ отъ насъ цѣлую процессію иноческую, во главѣ которой стояли три іеромонаха, облаченные въ священ. одежды. Одинъ изъ нихъ держалъ при персяхъ св. Евангеліе, другой икону св. Великомученицы Екатерины, третій икону же св. пророковъ Моисея и Аарона. При нашемъ приближеніи, процессія съ иѣіемъ направилась къ монастырю. Мы пошли слѣдомъ за нею. Крѣпкія, глухія стѣны древней постройки изъ большихъ, прямо-угольно сѣченыхъ, камней бурого цвѣта, свойственнаго всѣмъ гранитнымъ толщамъ окрестныхъ горъ, высились величественно и грозно передъ нами, хотя и не поражали взора своими размѣрами, подавляемыя налетными на нихъ высотами, 14 вѣковая древность ихъ внушала почтеніе и влекла къ себѣ. Чего не пашель я ни въ Греціи ни на Афонѣ, найду здѣсь, думалъ я,—византійскую эпоху наилучшаго времени ея въ цѣльныхъ, не тронутыхъ ни разрушителями ни возобновителями, памятникахъ. Я зналъ уже, что необходимость подниматься въ обитель вѣротомъ на веревкѣ, относится къ преданіямъ минувшаго, и потому не искалъ пытливымъ или пугливымъ взоромъ, памятнаго предшественникамъ моимъ по страствованію, навѣса. Да онъ и не могъ меня занимать особенно. Передъ тѣмъ, что я видѣлъ и испыталъ въ пресловутыхъ *Метеорскихъ* монастыряхъ, здѣшнее могло казаться мнѣ чуть не игрушкою. Въ линію сѣверной стѣны монастыря съ запада, выведена въ недавнее время стѣнка придворья, почти вся занятая большими въѣздными воро-

тами монастыря. Минувши ихъ, мы вступили на дворикъ гостиничный, простирающійся во всю длину западной стѣны монастыря и нѣсколько менѣе того широкій. Едва выведенное изъ земли, зданіе гостинницы занимаетъ весь южный край двора. Задумано пѣчто хорошее, но видно не по средствамъ обители, а потому и стоитъ оставленнымъ на жертву стихіямъ и времени. Къ западной сторонѣ двора примыкаетъ тотъ самый садъ, о которомъ уже было упомянуто выше. Процессія поворотила къ востоку къ малой дверцѣ, пробитой въ стѣнѣ монастырской, которая сверху, по всей длинѣ своей, надстроена въ недавнее время изъ мелкаго камня, и высматриваетъ на гостинный дворъ и садъ цѣлымъ рядомъ небольшихъ оконъ. Кромѣ той дверцы, къ которой мы двигались, различается въ стѣнѣ и другая, большая, давно закладенная дверь, поверхъ которой видится и, извѣстный въ крѣпостныхъ постройкахъ, щитъ, (т. е. закрытый балконъ), и читается, или читалась нѣкогда, четырехстрочная надпись, высѣченная по граниту большими греческими (или латинскими) буквами, и совершенно изглаженная временемъ ¹⁾. Мы вошли внутрь монастыря темнымъ извивистымъ переходомъ, и послѣ двухъ трехъ поворотовъ, пришли къ каменной лѣстницѣ, которою и спустились на саженную площадку передъ самыми западными вратами соборной церкви, подошедши къ ней съ южной стороны. Это тѣсное пространство составляетъ (какъ оказалось послѣ) единственный дворъ монастырскій, свободно-открытый съ уровня земли до свода небеснаго. Черезъ желѣзную крѣпкую дверь вступили мы въ досточтимый храмъ, и прежде всего увидѣли себя въ узкомъ притворѣ, длинномъ во всю ширину храма и темномъ, съ тремя дверями ведущими въ церковь и четвертою въ сѣверной окопечности, выводящею въ другія части монастыря. Средняя изъ трехъ дверей высока и широка, по

¹⁾ Съ помощію бинокля я смогъ различить въ первой сторонѣ ея буквы: ЛУТЕРА.. можетъ быть АУТОКРАТОРА..

истинѣ царская, какъ она называется въ церковномъ уставѣ, сдѣланная изъ дерева съ рѣзбою, ничѣмъ покрашенная и весьма уже обетшавшая. Вотъ мы и въ самомъ храмѣ Преображенія Господня. Въ глубинѣ его къ востоку, какъ водится, стоитъ иконостасъ деревянный, рѣзной въ греческомъ вкусѣ послѣднихъ двухъ вѣковъ, подѣ золотомъ, съ большими мѣстными иконами и низкими св. вратами. Изъ за иконостаса выглядываетъ высокая алтарная ниша. Направо и налево отъ насъ стоятъ по ряду бѣлыхъ штукатуренныхъ колоннъ, поддерживающихъ пробитыя малыми окнами стѣнки, держащія въ свою очередь плоскій деревянный, ярко раскрашенный и раззолоченный, потолокъ. За колоннами по обѣ стороны видятся боковыя параллели церкви съ такимъ же, только низшими, потолками и стѣнами, пробитыми вверху рядомъ двойныхъ оконъ, а внизу каждая двумя дверями, ведущими въ такія же параллели, еще болѣе низкія и узкія, предназначавшіяся первоначально вѣроятно для кладовыхъ, теперь же раздѣленные каждая двумя поперечными стѣнками и обращенныя каждая въ три придѣльные церкви. Ясно такимъ образомъ что планъ храма есть планъ древней царской палаты или базилики (βασιλική). Но онъ уступаетъ во многомъ другимъ извѣстнымъ базиликамъ востока и запада какъ размѣрами такъ и внутреннимъ расположеніемъ. Два ряда колоннъ могли бы съ достоинствомъ поддержать впечатлѣніе зодческаго величія храма, если бы не были обставлены стоялками и обвѣшаны иконами до того, что почти скрываются за ними. Тотъ же достожалостный вкусъ къ привѣскамъ и приставкамъ отпечатлѣлъ себя и по всему пространству храма. Множество спускающихся съ потолка понижающихъ и одиночныхъ лампадъ, рассчитанныхъ на убогій эффектъ ночнаго освѣщенія, и въ добавокъ къ нимъ цѣлая крыша какъ бы съ балдахина, тоже висящая надъ средоточнымъ мѣстомъ церкви, все это въ связи съ плохою штукатуркою стѣнъ безъ умѣнья выкрашенныхъ синкою съ пятнами и потѣками, кладезь

на славную базилику Синайскую общую печать убожества, безвкусицы, ветхости и какъ бы запустѣнія. Я и ожидалъ этого, судя по рисункамъ внутренности и особенно внѣшности ея. Это одно изъ наиболѣе блестящихъ зодческими достоинствами произведеній Юстиніана Великаго. Такъ мнѣ показалось на первый разъ, при бѣгломъ взглядѣ на все. Пѣніе тропарей окончилось. Одинъ изъ іеромонаховъ проговорилъ краткую ектенію, на которой слышались и имена новыхъ гостей обители. Прямо подъ упомянутою висящею крышею поставлены были на столікѣ въ ковчегцѣ части св. мощей великомученицы Екатерины, а именно глава и рука ея. Мы приложились къ нимъ, поздоровались съ братіями обители, и въ сопровожденіи властей ея пошли изъ храма въ гостинничные покои, устроенные вдоль западной стѣны монастыря на третьемъ ярусѣ съ открытою при нихъ галлереей. Что сказать? Что шагъ, то поразительное свидѣтельство обетшанія и запустѣнія всего—отъ великаго до малѣйшаго. Кривыя безобразныя стѣнки, жалкія келліи, сложенные изъ булыжника или и просто изъ земли, смѣшанной съ соломой и перекладенной гнилыми брусьями, обмазанныя глиной и когда то бывшія выбѣленными, покосившіяся окна и двери, деревяныя, ходячія лѣстницы, исковерканные полы, закопченные и облупившіеся потолки и внутреннія стѣны, жердяные и даже камышевые навѣсы,—пыль, гниль, тѣснота и духота и опять таки печать повсюдной запущенности, все вмѣстѣ навело на душу неодолимую тоску, и только крайняя усталость съ пламеннымъ желаніемъ покоя заставили насъ съ любовію отнестись къ отведеннымъ намъ покоемъ, лучшимъ во всемъ монастырѣ.

Послѣ двухдневной почти качки на верблюдѣ, пріятно было сознать себя въ осѣдломъ положеніи. Встрѣтившему человѣческое жилище съ удобствами благоустроенной жизни въ такой глухой и мертвой пустынѣ, позволительно прежде всего увлечься минутою своего благополучія. и ей посвятить первые порывы своего слова.

*

Да, надобно устать, чтобы оцѣнить покой, — покой не тѣла только, но и души, перестающей заботиться о всякой будущей минутѣ. Въ окно комнаты видѣлась только что оконченная нами дорога сухая, стропотная, глухая, безотрадная, отдѣленная отъ всего, что напоминаетъ собою великій человѣческій міръ. Прощай, радостно говорило ей сердце. Въ тоже окно врывался прохладный вѣтерокъ, а гостепріимство обители несло на подносѣ какъ хрусталь чистую и холодную воду, которой столько разъ недоставало и желалось, какъ величайшаго блага, вчера и третьяго дня, а съ водою и другія привычныя угощенія, завѣлчавшіяся чаемъ, безъ котораго ничто не кажется законченнымъ. Эта подставка, какъ замѣтилъ однажды одинъ скептикъ, всякаго одушевленія человѣческаго, эта самодовольная минута физическаго благосостоянія, однакоже не могла очаровать до забывчивости такихъ искушенныхъ и покоемъ и движеніемъ странствователей, какъ мы. Угрюмая келья, исписанная памятными замѣтками предшественниковъ нашихъ по сидѣнію въ ней, видимо смотрѣла на насъ какъ на гостей, — на *чужихъ*, а дальняя дорога съ пылью, зноемъ, жаждою и изнеможеніемъ, безжалостно помавала намъ изъ за ограды монастырской, какъ *своя* — старая знакомая, съ которою у насъ еще далеко не сведены счеты. Минута сладкой дремоты умственной прошла, и ее смѣшило ясное и отчетливое сознаніе цѣли, которой промежуточными точками служатъ и дорога и келья, — посѣщеніе Синаѣ. Поистинѣ было похоже на пробужденіе отъ сна, когда вслѣдъ за шумомъ помѣщенія, угощенія и разныхъ посѣщеній, я остался одинъ такъ сказать съ глазу на глазъ съ мыслью о Синаѣ. Какъ не скоро прежде я могъ свыкнуться съ мыслью, что прибылъ въ Іерусалимъ, такъ не легко было и теперь мнѣ освоиться съ убѣжденіемъ, что подо мной, надо мной и вокругъ меня тѣ самыя мѣста, гдѣ «божественнымъ покровенъ медленноязычный мракомъ извитійствова богописанный законъ, тину отрясши очесе умнаго, увидѣлъ СУЩАГО, и на-

учился Духа разуму, хваля божественными пѣснями». О, далекая полоса земли съ безвѣстнымъ, но вѣщимъ для меня, именемъ, съ монастырскими стѣнами, девятиглавою синаеподобною церковію, троицкими березками, множествомъ дѣтскихъ лицъ и хвалебныхъ голосовъ, приготовившая почти за полстолѣтія передъ симъ восторгавшемуся отъ «божественныхъ пѣсней», юному сердцу путь на Синай! Вижу тебя приспо, говорившую мнѣ и ревомъ волнующагося понта Чернаго и голосомъ начинающей Маріамы съ лики и тимпаны и гуломъ громовъ Синайскихъ и сладкою манною и свѣтлымъ облакомъ, вижу тебя даже здѣсь на самой сей нѣкогда покровенной божественнымъ мракомъ, трящейся и кулившейся, *горь Божіей!* Но—конецъ прообразамъ. Вотъ онъ настоящій Синай—безъ золотой обстановки дѣтства, безъ березокъ, безъ любезнаго ключика бьющаго у подошвы горы монастырской и изображавшаго собою источникъ Моисеевъ, безъ всего, чему суждено исчезнуть и невозвратиться. Иныя совсѣмъ мѣста, непохожіе предметы, различные и взгляды. Но...да будетъ одно и тоже, вызываемое ими, чувство—цѣльное, полное, радостное и благодатное!

Отдыхъ продолжался до вечерни. По древнему обычаю Востока, благовѣсть производится въ монастырѣ стучаньемъ въ деревянную доску (било). Мы сошли въ храмъ, и направились одною изъ боковыхъ сторонъ его къ мѣсту «Неопалимой Купины». Не смотря на всѣ описанія соборнаго храма Синайскаго, я не могъ представить себѣ ясно, гдѣ именно находится въ немъ мѣсто чуднаго богоявленія. *Коробейниковъ* говоритъ: *за олтаремъ*, куда входъ въ его время (1582 г.) былъ изъ подворья. По *Барскому* (1728 г.), параклисіи св. Купины находится *сзади олтаря*, и есть средній между таковыми же св. *Іакова* и св. *отецъ избіенныхъ*, изъ которыхъ устроенъ и входъ къ нему. Во «Второмъ Путешествіи на Синай» (1850 г.) упоминаются *два олтаря* (соборной церкви), одинъ за другимъ, *въ видѣ двухъ волнъ*,

большей и меньшей или высшей и низшей. Не такъ коротко, а потому и меньше ясно, чѣмъ у предшествовавшихъ писателей. Путешественникъ входилъ *по мраморнымъ ступенямъ алтаря въ полусвѣтлое средостѣніе (?)*, по которому съ правой стороны входятъ въ придѣлъ Купины. Уже и совсѣмъ темно. Чтобы ясно представить дѣло, надобно сказать, что алтарь соборной церкви, не выходящій за линіи колоннъ ея, возвышенъ надъ общимъ помостомъ храма на 3 ступени. Параллельныя же алтарю, оконечности боковыхъ частей церкви, продолжающіяся и за линію иконостаса, соединены съ алтаремъ открытыми ступенями (по которымъ и *сходилъ* писатель 1850 г.). Восточныя стѣнки сихъ оконечностей въ старое время вѣроятно были глухія. За ними непосредственно начиналось также трехчастное, какъ и вся церковь, отдѣленіе Купины, состоящее собственно изъ трехъ рядомъ алтарей, соединенныхъ между собою дверями, изъ коихъ середній посвященъ памяти преславнаго богоявленія, и находится вѣроятно на самомъ мѣстѣ, гдѣ росъ таинственный кустъ. Такимъ образомъ онъ дѣйствительно *созади алтаря* соборнаго прямо за нимъ, но гораздо глубже его, да глубже и общаго уровня церковнаго помоста. Входъ во все это отдѣленіе былъ когда-то наружный съ сѣверной стороны черезъ придѣлъ (собственно: алтарь) св. Іакова. Онъ не закрытъ и до сихъ поръ, хотя уже и излишенъ, такъ какъ есть прямое сообщеніе отдѣленія съ храмомъ черезъ боковыя вѣтви его. Однимъ изъ этихъ ходовъ приближались и мы къ мѣсту Неопалимой Купины. Въ алтарѣ св. отцовъ сняли обувь по исконъ-вѣчному, и строго наблюдаемому, уставу обители. Весь придѣлъ состоитъ изъ четвероугольной комнатки съ нишею, обращенною на востокъ, въ которой устроенъ престолъ, а подъ престоломъ на помостѣ означено мѣсто, гдѣ стояла купина, точно такъ, какъ устроено все въ Вилеемѣ въ св. Вертепѣ. Два оконца по сторонамъ алтарной ниши пропускаютъ слабый свѣтъ внутрь. Третіе въ глубинѣ самой ниши—стоитъ

обыкновенно закрыто спаружи ставнемъ, вѣроятно во избѣжаніе нескромнаго заглядыванія извнѣ, такъ какъ оконце стоитъ почти на уровнѣ съ землею. Всѣ стѣны церкви увѣшаны иконами, между коими много русскихъ, а вогнутая стѣнка ниши покрыта золотою мозаикою съ единственнымъ изображеніемъ креста по срединѣ. Основаніемъ мозаическому полю служить койма въ $\frac{1}{4}$ аршина шириною, опоясывающая всю нишу на уровнѣ престольной доски, вся занятая мозаическою же греческою надписью, гласящею: *окончено настоящее дѣло это во дни Соломона епископа здѣшняго. Года...* Самая дорогая для изслѣдователя часть ея, а именно лѣтосчисленіе повреждено до того, что не остается никакой надежды возстановитъ первоначальное чтеніе. Читать вмѣстѣ съ «Вторымъ путешествіемъ» испорченное мѣсто такъ: *въ лѣто господне 820 или 850*, оставшіяся черты не даютъ никакого права ни повода. То, что выдается путешествіемъ за греческое ω и слѣд. цифру 800, ничѣмъ не похоже на эту букву, употребленную въ надписи 4 раза, и имѣющую со всѣмъ другое, довольно своеобразное начертаніе. Съ другой стороны и лѣтосчисленіе христіанское (*Господне..*), какъ извѣстно, не употреблялось византійцами до XV столѣтія по Р. Х. Наконецъ, если и допустить, что въ предѣлахъ Сиріи и Египта часто не слѣдовали Константинопольскому счисленію времени (чему есть много примѣровъ), и считали годы отъ Р. Х. (я не встрѣтилъ ни одного примѣра), то опять трудно согласиться съ тѣмъ, чтобы украшеніе мозаикой самаго святаго и досточтимого мѣста въ обители послѣдовало не современно постройкѣ церкви, а спусти 300 лѣтъ послѣ того. Рядомъ съ надписью на двухъ мраморныхъ дощечкахъ, влѣпленныхъ въ стѣну, замѣчено по гречески, что мозаику вычистилъ русскій іеромонахъ Самуилъ 1837 года. При очисткѣ коснулся ли «художникъ старецъ» надписи, и исправилъ ли поврежденный конецъ ея, какъ умѣлъ, или оставилъ все, какъ нашелъ, въ надписи умолчано, и дѣло остается такимъ

образомъ невыясненнымъ. Что самое окончаніе надписи исправлено въ низшей половинѣ строки, это несомнѣнно, на мѣсто золотыхъ вставлены сплошь черные камешки. Обстоятельство, что надпись имѣла при себѣ и хронологическую дату, не часто встрѣчаемое на памятникахъ глубокой древности, возбуждаетъ въ изслѣдователѣ истинную ученую жалость.

И такъ, здѣсь было положено начало монашескому заселенію Синая. Бѣжавшіе отъ гоненій, христіане пришли въ эту глухую пустыню, и, руководясь преданіемъ, отыскивали гору Божію *Хоривъ*, и при подошвѣ ея мѣсто горѣвшей и неугаравшей купины. Напрасно стали бы мы доискиваться тѣхъ основъ, на которыхъ построилось убѣжденіе, что извѣстная гора есть *Синай* (*Хоривъ* — тоже), и извѣстное мѣсто при ней есть то самое, гдѣ явился и говорилъ съ Моисеемъ Богъ изъ купины. Свобода критическаго изслѣдованія въ наше время запрашиваетъ уже: тамъ ли былъ дѣйствительно Синай, гдѣ онъ указывается теперь, и почему не могъ быть имъ теперешній *Сербалъ*, стоящій одинокою скученною массою, неуступающій «Моисеевой горѣ» ни въ высотѣ ни въ громадности и далеко превосходящій ее своимъ причудливымъ видомъ, ближайшій и къ морю и къ Египту, и отовсюду равно хорошо видимый съ окружающихъ его широкихъ и удобныхъ для кочевья долинъ? Но одни топографическія соображенія безъ сомнѣнія не сильны рѣшить дѣло. Древняя географія отказывается совершенно помочь ему; что же остается дѣлать? Разузнавать мѣста по ихъ пынѣшней кличкѣ? Лабиринтъ неисходимый! Отъ временъ бытописанія Моисеева до дней нашихъ протекло 33 вѣка, и по мѣстамъ симъ прошли м. б. тоже 33 народа, племени и поколѣнія, дававшіе мѣстамъ свои имена. Какъ же отыскать въ нихъ, или подъ ними, извѣстныя по Библии названія? Чуть не единственное созвучное имя *Фейранъ* (древнее: *Фаранъ*), досуществовавшее до нашего времени на полуостровѣ, даетъ ли право отыскивать въ столькихъ другихъ именахъ горъ и долинъ указа-

нія или хоть намеки на ихъ древнее наименованіе? Ни *Сербалъ* не похожъ на *Синай*, ни *Сафсафѣ*. Ни *Шехъ* ни *Раха* не родственны *Рафидиму*. Однимъ словомъ: во всей номенклатурѣ нынѣшней Синайскаго полуострова не слышится ничего, напоминающаго Библію. Напротивъ замѣчаютъ, что теперешнія имена горъ изъясняются изъ языка нынѣшнихъ обывателей страны совершенно по случайнымъ взглядамъ ихъ на то или другое мѣстное обстоятельство. И такъ, еще разъ, что же остается дѣлать? Предположить, что въ теченіе всего періода пребыванія евреевъ въ Палестинѣ, они постоянно сохраняли точную и вѣрную память столько славныхъ и важныхъ для нихъ мѣстъ сосѣдней пустыни, такъ что великій *Имя* не имѣлъ нужды спрашивать, гдѣ ему отыскать «Гору Божию», а одинъ дошелъ туда прямо и скоро, точно былъ для него это близкій и родной *Кармилъ* или *Гаризинъ*! Ко времени же обновленія іудейства христіанствомъ, самая память славныхъ мѣстъ должна была непременно обновиться. Христосъ, по новому ученію, былъ не кто иной, какъ самъ великій и страшный законодатель Синайскій, отчего Синай получилъ сугубый смыслъ и самый оживленный обликъ въ понятіяхъ христіанскихъ. Благопріятнымъ сему обстоятельствомъ могло служить и одновременное съ появленіемъ христіанства, разсѣяніе іудеевъ по всему свѣту. Нещадно преслѣдуемые на родной землѣ римлянами, не бѣжали ли они многочисленными толпами прежде всего въ сосѣднія ей области и въ заветную имъ, по славной памяти минувшаго, пустыню *Синъ*? Чѣмъ менѣе оставляется человѣку изъ его пасущаго достоянія, тѣмъ крѣпче онъ долженъ прилѣпляться къ неотъемлемому достоянію своей исторической славы. Не дивно потому, что они усиленно стремились по пробитой тропѣ къ Красному морю. Встрѣчаемъ же мы ихъ потомъ на берегахъ сего моря въ видѣ цѣлаго царства (см. житіе *Элезоя*, царя Эѳіопскаго). Наплывъ ихъ въ пустыню не долженъ ли былъ оживить въ памяти всѣхъ и пресловутое имя Синая? При-

бавимъ къ этому, что много ихъ въ это время дѣлалось уже христіанами, и что древнѣйшій христіанскій городъ полуострова *Фаранъ* могъ быть прямо колоніей Палестинскихъ выходцевъ. Такимъ образомъ, преданія о мѣстахъ величайшихъ и славнѣйшихъ событій еврейской исторіи самими евреями могли быть безошибочно занесены въ повѣрія первохристіанскаго времени. Какого еврея не занимало мѣсто богоявленія, открывшее ему имя *Іеговы*? И кому изъ всего народа не дорогъ былъ, какъ христіанамъ Іерусалимъ, *Богослественный* Синай, съ именемъ котораго связано все его религіозное и гражданское устройство? Съ другой стороны, далеко ли отстояли отъ Іудеи эти священнѣйшія для іудея мѣста? На одинъ недѣльный путь. Есть ли потому невозможность, даже малѣйшая невѣроятность, въ томъ, что они могли знать хорошо и *Хоривъ* и *Рафидимъ* и кладязь *Моисеевъ* и мѣсто *купины* и все прочее, наизусть вѣдомое всѣмъ имъ изъ священныхъ книгъ, и, зная, передать его смѣнявшей ветхозавѣтную скипю, церкви христіанской? Конечно, это только предположенія; но они такъ естественны, и такъ близко подходятъ къ факту существованія Синайскихъ отшельниковъ въ IV вѣкѣ и даже ранѣе (св. *Епистимія*), что весьма недалеки отъ характера положительныхъ данныхъ.

Преданіе Синаитовъ говоритъ далѣе, что св. *Елена* проживая въ Іерусалимѣ, имѣла случай многократно слышать о Синаѣ, и рѣшилась, на ряду съ христіанскими святынями, почитать памятникомъ и мѣсто величайшаго изъ ветхозавѣтныхъ таинствъ. Преданіе прибавляетъ, что она даже ѣздилъ изъ Іерусалима на Синай, какъ несомнѣнно посѣщала всѣ тѣ мѣста св. Земли, гдѣ по ея повелѣнію воздвигались чтилища въ память евангельскихъ событій. При молчаніи исторіи, не утверждаемъ сего, хотя не видимъ необходимости отрицать, что она могла дѣйствительно выстроить что нибудь здѣсь надъ мѣстомъ Неопалимой Купины, и конечно—всего естественнѣе—церковь,—церковь *Богоматери*,

какъ гласить преданіе ¹⁾). Мистическое сопоставленіе Неопалимой Купины съ Богоматерію, имѣющее въ настоящее время здѣсь преобладающій предъ историческимъ смысломъ событія, характеръ, было ли также распространено между вѣрующими IV вѣка, не знаемъ. Другаго же основанія, почему бы благочестивая царица поискала выстроить на Синаѣ церковь во имя Божіей Матери, не предвидится. Кромѣ церкви, въ силу того же преданія, вѣнчанная боголюбица выстроила тутъ же и башню для защиты жившихъ при ней иноковъ отъ набѣговъ варваровъ. Если предположить, что церковь самая стояла на самомъ мѣстѣ богоявленія, т. е. тамъ, гдѣ теперь придѣлъ Купины, то мѣста для башни надобно искать въ сѣверо-восточномъ углу нынѣшняго монастыря, гдѣ теперь стоитъ *круглая башня* ²⁾). Она видимо несовременна постройкѣ четверо-угольника монастырскихъ стѣнъ, котораго все другія выступающія части слѣдуютъ архитектурно прямой, а не круглой линіи, и тѣмъ какъ бы исключаютъ ее изъ себя. Если, согласно съ утвержденіемъ одного плана Синайской обители, весь сѣверо-восточный уголъ стѣнъ его «возстановленъ французами», то все же несомнѣнно, что основанія круглой башни древни, и сложены изъ такихъ большихъ камней, что кажется предварили собою эпоху постройки другихъ частей монастыря, т. е. Юстиніаново время, а слѣдовательно могли быть дѣломъ мастеровъ св. Елены.

Но переходимъ изъ сумрака преданій на ясный свѣтъ исторіи. Историкъ *Прокопій* въ своей книгѣ «О постройкахъ» Юстиніановыхъ рассказываетъ въ одномъ мѣстѣ слѣдующее: «На сей то горѣ Синаѣ обитаютъ монахи, жизнь которыхъ есть тщательное помышленіе о смерти. Они спокойно наслаждаются любезнымъ

¹⁾ Della Walle положительно утверждаетъ это, присовокупляя, что Юстиніанъ потомъ включилъ въ свою церковь постройку св. Елены.

²⁾ Въ греч. описаніи горы Синаѣ утверждается, что башня стояла на мѣстѣ нынѣшнихъ архіепископскихъ комнатъ.

имъ уединеніемъ. Для этихъ-то монаховъ царь Юстиніанъ) такъ какъ нѣтъ ничего (другаго), въ чемъ бы они нуждались, будучи выше всего человѣческаго, не заботясь о томъ, чтобы пріобрѣсть что нибудь, послужить тѣлу или другимъ чѣмъ бы то ни было попользоваться, — выстроилъ церковь, которую посвятилъ Богородицѣ, чтобы имъ можно было жить тамъ въ молитвѣ и освященіи. Церковь эту воздвигъ онъ не на вершинѣ горы, но гораздо ниже. Ибо невозможно человѣку проводить почъ на высотѣ, такъ какъ по ночамъ (тамъ) слышатся постоянные удары и многое другое чудное, поражающее силу и мысль человѣческую. Здѣсь, говорятъ, нѣкогда Моисей изнесъ полученный отъ Бога законъ. При подошвѣ же горы царь этотъ выстроилъ укрѣпленный замокъ, который и предназначилъ быть одною изъ важнѣйшихъ стражицъ военныхъ, чтобы варвары Саракины не могли тайно вторгаться въ области Палестины, по причинѣ пустынности мѣста, о чемъ я говорилъ выше» (кн. 5. гл. 8). Что слѣдуетъ вывести изъ такого разсказа? 1-е, что царь строилъ вовсе не монастырь, а военную крѣпость при подошвѣ Синая, но что эта крѣпость занята была потомъ вмѣсто солдатъ иноками, и достояла до нашихъ дней подъ видомъ монастырскихъ стѣпъ, дѣйствительно похожихъ на крѣпость, и къ крѣпостному дѣлу приспособленныхъ. 2-е, что церковь Богоматери онъ воздвигъ не на вершинѣ ни при подошвѣ, а гдѣ-то въ полвысотѣ горы. Тамъ ея и долженъ искать изслѣдователь нашего времени, хотя, на основаніи сдѣланныхъ доселѣ изслѣдованій, боюсь, что не найдетъ ея. Но не будемъ предрекать неизвѣстное. Этимъ разсказомъ историка значительно уясняется то обстоятельство, что въ монастырѣ Синайскомъ только и есть древней постройки, что стѣны да церковь. О стѣнахъ довольно сказано. Переходимъ теперь къ вопросу о церкви. Кто же строилъ самую церковь? Судя по строительному матеріалу и по образу постройки, она одного времени съ стѣнами или ранѣе, но ни какъ не позже. Данный ей планъ бази-

лики говорить ясно, что она *не позже* Юстиніанова времени. Но такъ какъ самъ онъ ея *не* строилъ, то необходимо допустить, что она предварила его время. Въ такомъ случаѣ, почему же не быть ей произведеніемъ св. Елены—тѣмъ болѣе, что есть уже въ монастырѣ объ этомъ прямое преданіе? Правда, что историкъ умолчалъ о предварительномъ существованіи въ «стражницѣ» церкви. Но кто же его заставить говорить именно то, что намъ хочется? Онъ поставилъ цѣлю своего сочиненія рассказать подробно, чтѣ и гдѣ выстроилъ императоръ во время своего долготлѣтняго царствованія, и достигъ своей цѣли, сообщивъ, что при подошвѣ Синая онъ воздвигъ крѣпость, а что крѣпостію обнесъ церковь, объ этомъ предоставилъ сказать намъ. Но онъ не умолчалъ и о церкви, которую императоръ выстроилъ на горѣ, чѣмъ какъ бы и далъ знать, что другой церкви тамъ до него не было? Думаемъ, что такое заключеніе необходимо послѣдуетъ изъ образа рѣчи рассказчика. Иное дѣло—постройка на горѣ, иное—при подошвѣ ея. И не лучше ли, въ самомъ дѣлѣ, предположить, что двѣ главныя (и единственныя) древнія постройки монастыря, такъ рѣзко расходящіяся между собою въ направленіи своихъ линий, были возведены въ разные времена? Припимая за несомнѣнное, что стѣны монастыря построены Юстиніаномъ, какъ объяснить, что строившіе ихъ не держались даннаго имъ направленія и при постройкѣ церкви, если бы она ими была построена? Но, съ другой стороны, легко подумать, что и Юстиніановы строители стѣнъ, если бы нашли на мѣстѣ уже готовую и великую церковь, не преминули бы, кажется, дать имъ одинаковое съ нею направленіе. За всѣмъ симъ прибавимъ, что могло быть и то, что и современные строители какъ стѣнъ такъ и церкви не слѣдовали одному какому нибудь правилу, а руководствовались внушеніемъ минуты, чему разительные примѣры можно найти чуть ли не во всѣхъ древнихъ (да и новыхъ тоже) монастыряхъ Востока. И такъ обѣщавшись выйти на ясный свѣтъ историческій, мы вмѣсто того опять очутились если не во мракѣ, то въ туманѣ.

Изъ придѣла *Неопалимой Купины* мы возвратились въ соборную церковь, и вошли въ алтарь. Его образуетъ, какъ во всѣхъ базиликахъ, глубокая ниша въ восточной стѣнѣ зданія со всѣмъ пространствомъ отъ нея до первой пары колоннъ, къ коимъ приставленъ иконостасъ. Алтарь не великъ по длинѣ и ширинѣ, но весьма высокъ и изящно убранъ, хотя и недостаточно свѣтелъ. Убранство все сосредоточено на восточной стѣнѣ, которая вмѣстѣ и съ нишею, одѣта до извѣстной высоты великолѣпными мраморными плитами съ струйчатыми жилами, а за тѣмъ до самаго верха покрыта золотою мозаикою съ разными изображеніями. Это самая цѣнная принадлежность всего храма. Ради ея одной любитель христіанскихъ древностей можетъ рѣшиться съѣздить на Синай. Собственно, она состоитъ изъ 6 отдѣльныхъ изображеній, великой иконы *Преображенія Господня* съ двумя поверхъ ея надъ нишевою аркою (по сторонамъ одного двойнаго окна) меньшими изображеніями *Неопалимой Купины* и *врученія Богомъ Моисею скрижалей завета*, затѣмъ—изъ ряда поясныхъ изображеній 12 *пророковъ* въ видѣ рамки между мраморною и мозаическою обшивкою нишевой цилиндрической стѣны и изъ такого же ряда изображеній *Апостоловъ*, расположенныхъ по окраинѣ нишевой арки. Отдѣльно отъ всѣхъ этихъ изображеній, по сторонамъ нишевой арки, на прямой стѣнѣ восточной въ двухъ небольшихъ кругахъ видятся изображенія *мужеской* и *женской головы*. Всѣ эти произведенія древняго «шаровнаго» искусства замѣчательно хороши. Надлежащая постановка и искусная отдѣлка всѣхъ лицъ одна уже свидѣтельствуетъ о времени процвѣтанія на востокѣ мозаического дѣла. Лица преобразившагося Господа я не могъ однакоже разсмотрѣть съ достаточною ясностію. Прямо надъ нимъ проходящій изъ окна свѣтъ затмѣваетъ его совершенно. Средину и глубину пророческихъ изображеній занимаетъ царь Давидъ, увѣнчанный діадимою, въ цвѣтѣ лѣтъ, отличной мужественной красоты. Другія пророческія лица также весьма выразительны.

Лица Апостоловъ трѣднѣе разсматриваются. Съ особеннымъ любопытствомъ смотрѣлъ я на изображенія «ктиторовъ» храма, *Юстиніана* и *Теодоры*. Подъ этими именами по крайней мѣрѣ слышать, и разглашаются на весь свѣтъ, эти изображенія. Смотрю и глазамъ невѣрю. Монетами Юстиніана переполнены нумизматическія кабинеты Европы. Черезъ мои собственные руки прошло ихъ золотыхъ и мѣдныхъ—не менѣе полусотни. На всѣхъ ихъ лице Императора представляется одинаково до того, что его можно узнавать хорошо при совершенно стертой надписи. Оно (если только не въ профиль) всегда полное круглое и какъ бы одутловатое съ короткими, или лучше стриженными, волосами и бритымъ подбородкомъ. А тутъ на мозаическомъ изображеніи какъ нарочно все не то, что на монетахъ. Волосы длинные, раздвоенные, лице продолговатое, почти сухощавое, а главное—борода, ни въ какомъ случаѣ не Юстиніанова. Такимъ Юстиніана могли изобразить только нашего времени иконописцы, въ простотѣ сердца малюющіе св. Константина Великаго тоже длинно-волосымъ, бородатымъ и въ коронѣ на подобіе нашихъ брачныхъ вѣнцовъ, а не современные, или весьма близкіе по времени, ктитору художники. Откуда же такая явная несообразность? Оттуда, я думаю, что художники тѣ вовсе и не думали передавать памяти потомства чертъ великаго самодержца Византійскаго. Гдѣ доказательство, что это портреты Юстиніана и Теодоры? Ни гдѣ. Надписи никакой при нихъ нѣтъ, а значить и ничего нѣтъ въ подтвержденіе невѣсть какъ составившагося мнѣнія. Женское лицо весьма обыкновенно, и не даетъ собою повода ни къ какому историческому выводу. Жаль. Еще разъ пришлось мнѣ разочароваться въ исторической дѣйствительности предметовъ, выдаваемыхъ за таковыя. Но кто же, въ самомъ дѣлѣ, дерзнулъ или согласился отподобить черты лица своего на такой высокой важности мѣстѣ? Очевидно, кто нибудь прикосновенный къ дѣлу или постройки храма или украшенію его мозаикой. Если это царское лицо, то

его надобно искать не рапѣ тирапа *Фоки*, перваго изъ императоровъ, послѣ *Юліана*, отпустившаго бороду. Но не Фока не доброй памяти конечно усердствовалъ дѣлу Синаитовъ, а скорѣе кто нибудь изъ фамиліи *Ираклія*, который самъ долго былъ на Востокѣ и посѣтилъ Іерусалимъ. Во всякомъ случаѣ, если бы это былъ изображенъ императоръ какой бы то нибылъ, думаю, что изображатель не пропустилъ бы случая выразить такое высокое значеніе изображаемаго какою нибудь реальною принадлежностію. Въ заключеніе скажу, что мастеру ничто не препятствовало изобразить тутъ и самого себя. Ни его благочестіе, ни его смиреніе не страдали оттого ничего, ибо оба изображенія занимаютъ мѣста въѣ ниши, посвященной апостольскимъ и пророческимъ изображеніямъ. Оставляемъ дальнѣйшія предположенія, и возвращаемся къ не менѣе интересной графической части алтарной мозаики. На ней есть двѣ надписи греческія, тщательно и красиво сдѣланныя, много обѣщающія изслѣдователю, но мало дающія. Въ одной говорится: *Во имя Отца, Сына и Св. Духа, совершилось настоящее дѣло это, за спасеніе плодоносившихъ, при Лонгинѣ, преподобнѣйшемъ пресвитерѣ и игуменѣ*. Другая, дополняя первую, говоритъ: *тщаніемъ Θεодора пресвитера и Девтерарія* ¹⁾. *Индиктіона 14*. Ясно, что *Лонгинъ* и *Θεодоръ* жили въ одно и тоже время, первый былъ игуменомъ, а второй помощникомъ его. Первый только зналъ и вѣдалъ, а второй заботился о работѣ. Когда же все это было? Въ 14-й индиктіонъ! Вотъ удружилъ, поистинѣ можно сказать, хронологистъ. Что въ немъ, этомъ 14-мъ индиктіонѣ, когда иѣтъ при немъ ни года, ни другаго какого опредѣляющаго указанія? Въ одно царствованіе Юстиніана онъ приходился 2 раза: въ 536 и 551 году. За тѣмъ

¹⁾ ΔΕΥΤ... т. е. Δευτεράρχου или Δευτερέβουτος. Должностное имя въ древнихъ монастыряхъ, особенно употребительное въ VI вѣкѣ. Слич. статью: *Св. Николай Ликійскій, епископъ Пинарскій*, въ «Труд. Кіев. духов. Академіи», 1869 г.

до эпохи иконоборцевъ онъ возобновлялся 11 разъ—включительно до 716 г. по Р. Х., а именно принадлежалъ на царствованіе 9 царей, Юстина II, Тиберія II, Маврикія, Ираклія (3 раза), Константа II (Погоната), Юстиніана II, Тиберія III и Θεодосія III. Такъ какъ съ 553 г. игумены Синайскіе были уже епископы, а Лонгинъ именуется только пресвитеромъ, то придется для нашего индиктіона приурочить именно сказанные выше годъ царствованія Юстиніана, и притомъ первый изъ нихъ, т. е. 536, ибо въ 551-мъ году вѣроятно игуменствовалъ св. *Іоаннъ Лествичникъ*. И изображенія мозаическія и характеръ буквъ ихъ надписей кажутся весьма древними, и можетъ быть суть древнѣйшія изъ всѣхъ, какія еще сохраняются на Востокѣ, послѣ купольныхъ мозаикъ Солунской «Ротонды». Ихъ стоило бы скальпировать для нашей Академіи Художествъ.

Другой стѣнной иконописи въ храмѣ нѣтъ, и была ли когда, неизвѣстно. Теперь все покрыто новою штукатуркою, даже самыя гранитныя колонны. Когда я сожалѣлъ о послѣднемъ обстоятельстве и близко былъ къ тому, чтобы назвать его варварствомъ, мнѣ замѣтили, что колонны отъ времени (или отъ первоначальной выдѣлки) не имѣли ни померовки ни вообще правильности очертаній, и что объ укрытіи ихъ отъ взоровъ человѣческихъ жалѣть не стоитъ. Капители ихъ всѣ разнаго рисунка, напоминающія собою отчасти подобныя же въ древнихъ храмахъ египетскихъ, безжалостно вымазанныя зеленою краскою, дѣйствительно не внушаютъ высокаго понятія о цѣломъ. Онѣ очень грубо выдѣланы, чему конечно прежде всего способствовалъ матеріалъ, трудно поддающійся рѣзцу. Да и діаметральное отношеніе верхняго и нижняго конца колоннъ говоритъ тоже болѣе о египетскомъ, нежели о греческомъ стилѣ. Переброшенные съ колонны на колонну арки слѣдуютъ линіи полукруга и довольно красивы, но, пробитыя поверхъ ихъ въ стѣнѣ четырехугольныя окошечки такъ напоминаютъ наши избы, что можно сказать, портятъ общность

впечатлѣнія на душу всей храмовой перспективы. Другой рядъ оконъ въ капитальныхъ стѣнахъ храма съ сѣвера и юга, раздвоенныхъ каждое на два пролета съ колонкою по серединѣ, придавалъ бы красу зданію, если бы окна не были удалены значительно отъ наиболѣе видимой части зданія, отчего они теперь почти совсѣмъ не замѣтны. По такому же двойному малому окну вверху на восточной и западной стѣнѣ, т. е. надъ алтаремъ и подъ входомъ въ церковь, не выкупаютъ собою общаго недостатка въ освѣщеніи базилики. Деревянный позолоченный иконостасъ, по вкусу и обычаю греческому, не въ мѣру обремененъ грубою, хотя и вычурною, рѣзбою, и надставленъ по серединѣ крестомъ почти одной высоты съ нимъ, заградившимъ собою мозаическія украшенія алтарной ниши. Мѣстные иконы не замѣчательны ни древностію, ни изяществомъ, ни убранствомъ. Многое множество малыхъ иконъ развѣшено по стѣнамъ алтаря, всей церкви и шести боковыхъ придѣловъ, большею частию изъ прошлаго столѣтія. Не мало есть и *старыхъ*, но насколько, опредѣлить трудно. Около десятка можно найти такъ называемыхъ *святцовъ*, болѣе или менѣе полныхъ, по 3, по 4 и по 5 мѣсяцовъ на одной доскѣ, мелкаго письма по золотому полю, потемнѣвшихъ отъ времени. Кажется, всѣ они русскаго мастерства. Любопытно бы на досугъ пересмотрѣть и описать ихъ всѣ. Обиліе подобнаго рода иконописныхъ произведеній въ Россіи не дастъ имъ цѣны, а за границей они въ большомъ почетѣ. Издаіемъ однихъ такихъ святцовъ *Ассеманъ* въ свое время сдѣлался знаменитостію. Въ Ватиканѣ и теперь показываютъ, какъ рѣдкость, одни русскіе святцы XVII столѣтія. Иконы эти всѣ держатся сохранны. Непрерывнымъ рядомъ висятъ онѣ вдоль обѣихъ боковыхъ стѣнъ храма чуть не отъ самаго входа въ него до иконостаса. Въ размѣщеніи онѣ слѣдуютъ мѣсячному порядку, и оттого представляютъ взору странную перемѣсь новаго съ старымъ, длиннаго съ короткимъ, Аѳонскаго съ Кожемяцкимъ. Уравниваются въ линію своихъ

вернихъ рамъ, держащеюся повсюду на одной и той же высотѣ отъ полу, а именно на высотѣ обыкновеннаго человѣческаго роста, такъ чтобы всякому можно было приложиться къ нимъ. Въ защиту отъ пыли, заботливая рука о. сосудохранителя (σχευοφύλαξ), по нашему—ризничаго, имѣющаго въ обители великое значеніе, на крыла ихъ сверху жертвованными русскими ораями, по узости и короткости оказывающимися здѣсь непригодными для свойственнаго имъ употребленія. На всякой вещи въ храмѣ даетъ себя видѣть трогательная попечительность почтеннаго человѣка о порядкѣ и чистотѣ. Не только отдѣльныя иконы, но весь иконостасъ завіѣшивается имъ по буднямъ. Старыя ризы и стихари онъ перекраиваетъ и перешиваетъ на пелены и занавѣски, такъ что у него ничто не пропадаетъ. Даже воздухи наши крестовидные, не пригодные для дискаса греческой формы, находятъ въ рукахъ его мѣсто себѣ. Я любовался ими, нашитыми (вмѣсто крестовъ изъ галуна) въ видѣ украшеній на полотенцахъ иконостасной занавѣси.

Особенное вниманіе наше привлекла къ себѣ, разумѣется, главная святыня обители, *глава съ львою рукою* св. великомученицы *Екатерины*. И та и другая часть св. мощей хранятся постоянно въ гробницѣ изъ бѣлаго мрамора, довольно изящно украшенной рѣзбою съ позолотою, и поставленной подъ мраморнымъ же балдахиномъ въ алтарѣ съ правой стороны между восточною стѣною и первою колонною, откуда вынимаетъ ихъ всякій разъ чередный іерей и выносить на середину церкви для поклоненія вѣрующимъ. Обѣ святыя части весьма темнаго, почти чернаго, цвѣта, и украшены глава діадимою а рука браслетами и кольцами. Крышка гробницы выдвигается и задвигается, и запирается на замокъ всякій разъ, какъ святыня укладывается обратно въ ковчегъ. Двѣ массивныя гробницы, присланныя для св. мощей Великомученицы изъ Россіи, одна старая серебропозлащенная, другая новая изъ накладнаго серебра, стоятъ тутъ же по близости

вдоль иконостаса по обѣ стороны св. дверей. Даръ, какъ видно, совсѣмъ напрасный. Впрочемъ, въ гробницахъ этихъ, какъ говорили мнѣ, хранятся другіе священные предметы обители. Хорошо и то. Частію можетъ быть для нашего пріѣзда, по главнымъ образомъ, конечно, по случаю приближающагося храмоваго праздника, мы нашли развѣшенными по всему пространству церкви дорогія сребропозлащенные лампы стараго и новаго фасона, въ одиночку и группами въ двѣ, три, четыре и даже 6 лампадъ. Самыя старыя изъ нихъ имѣютъ видъ длинныхъ стакановъ съ закругленнымъ дномъ тонкой чеканной работы. Вотъ и все, что на первый разъ бросилось намъ въ глаза въ знаменитомъ храмѣ. Упомянуть развѣ еще объ «эдафѣ или подножіи», т. е. просто говоря о помостѣ церковномъ, справедливо восхитившемъ нашего Барскаго. Онъ дѣйствительно красивъ, хорошо подобранъ изъ разноцвѣтныхъ камней, хотя и не такъ мелокъ и художественъ, какъ удавалось мнѣ видѣть подобнаго рода древнія издѣлія въ Италіи. Замѣчательно, что той же самой работы и все трѣхступенное «сопрестоліе» алтаря церкви съ его *отзывными* стѣнками. Повторилъ бы и я вмѣстѣ съ любезнымъ паломникомъ прошлаго столѣтія: «ничтоже внутри (церкви) обрѣсти можетъ недостойное похвалы», если бы не сокрушали меня ея голыя стѣны и безобразныя (хотя и удобныя) стоялки, да еще излишнія привѣски, да еще потолокъ съ прозрачными на немъ черными свѣтилами небесными, да еще—что-то вообще тяжелое, сырое и темное, господствующее въ церкви, не смотря на всѣ ея достоинства.

Опускается на землю вечеръ. Сидимъ на убогой галлерей гостинницы, вперивши взоръ въ весьма невзрачныя здапія монастырскія. Общее отзывается вставленною въ крѣпкую и дорогую раму лубочною картинкою. Рама—это стѣны монастыря, лубочный рисунокъ—его внутреннія постройки. Все на немъ мелко, неправильно, неискусно, невпопадъ раскрашено, исчерчено, пере-херено и перемарано. За перилами галлерей, напоминающими

давно не поправляемую нашу полевую изгородь, видѣются на первомъ планѣ плоская кровля мечети и пристроенный къ ней съ сѣверной стороны, разваливающийся четвереугольный минаретъ. За нею выступаетъ изъ общаго уровня свинцовая крыша соборной церкви, темнымъ гребнемъ направляющаяся къ сѣверо-восточному углу монастыря. Правѣ ея, и ближе къ глазу стоитъ сѣровато-желтая лицевая стѣна игуменскихъ покоевъ съ рядомъ небольшихъ оконъ и *все еще* висящимъ при одномъ изъ нихъ ставнемъ ¹⁾. Левѣ—какой-то миниатюрный дворикъ поверхъ не то погреба не то жилой комнаты, съ навѣсомъ изъ жердей, прикрытыхъ по мѣстамъ отъ солнца старыми рогожами, далѣе—мазанки, каливы, шалаши, избышки на курьихъ ножкахъ, все вмѣстѣ—наводящее неотразимую тоску на душу. Это ли *первая* обитель христіанскаго міра, почтенная отъ всей церкви архіепископальнымъ достоинствомъ, и—что еще важнѣе—автокефальностію своей архіерейской кафедрой, обитель, владѣющая десятками другихъ обителей, разсѣянныхъ на огромномъ пространствѣ земнаго шара, съ полуторатысячелѣтнею исторіею и всемірною славой? Грустно подумать, до чего она дошла по своей внѣшности. Около 20 заброшенныхъ, и отчасти загнанныхъ, старцевъ съ юношами, тоже старчески высматривающими и очевидно не имѣющими болѣе гдѣ главу поклонить, изрѣдка кое гдѣ мелькають, вяло переступая, глупяво разговаривая, безучастно высматривая. Наибольшее движеніе въ монастырѣ происходитъ на маломъ дворикѣ передъ мечетію. Тамъ живетъ цѣлое семейство горныхъ козъ, которымъ предводительствуетъ старый козе-

¹⁾ Мы рассматривали рисунки къ *Путешествію на Синай* о. арх. Порфирія. Раскрытъ былъ № LI. «Смотри пожалуй, воскликнулъ добрый о. дикей, рассматривая рисунокъ, ставень-то и тогда *уже* висѣлъ!» Когда пишущій это отъѣзжалъ съ Синая, ставень *все еще* висѣлъ... ровно 25 лѣтъ! А кто знаетъ, сколько времени онъ висѣлъ еще до занесенія на рисунокъ?

рогъ съ аршинными откатистыми назадъ рогами, обладающій, какъ говорятъ, непомѣрною силою. Теперь это единственные посѣтители мусульманской моленной. Бѣготня бѣдныхъ илѣбницъ по тѣсному дворику нарушаетъ нѣсколько мертвую тишину этой половины монастыря. Изрѣдка съ той стороны его изъ-за церкви доносится глухой и обрывистый вскрикъ мельничнаго осла, вовсе не похожій на столько извѣстный, рыдающій вопль его. Иногда услышится стукъ опускаемой въ колодезь бодья, и болѣе—рѣшительно ничего! Это истинная могила, глубокая и страшная, окруженная еще болѣе глубокою и страшною пустыней. Не могу побѣдить тяжелаго чувства какой-то оставленности и осиротѣлости, налегающаго все болѣе и болѣе на душу. Солнце рано скрылось за одной изъ западныхъ высотъ *Хорива*. Лучи его впрочемъ еще долго играли на отлогостяхъ, стоявшей прямо за монастыремъ къ востоку, горы, казавшейся небольшимъ холмомъ въ сравненіи съ громадами, сжавшими монастырь съ сѣвера и юга. Наконецъ и тамъ оно перестало отражаться. Наступили сумерки. Бродящій и давящій характеръ окрестныхъ высотъ нѣсколько сглаживается, но за то все малое дѣлается великимъ, а великое безмѣрнымъ. Очертанія горъ принимаютъ самыя фантастическія обличія. На *Хоривѣ* поднимаются къ небу какія-то руки или пальцы. На противоположной горѣ, превратившейся въ сплошную высочайшую стѣну, въ одномъ мѣстѣ рисуется страшныхъ размѣровъ голова, окруженная крыльями на подобіе херувима. Уродливыя постройки монастырскія сливаются въ одну неопредѣленнаго вида площадь. Въ двухъ-трехъ окошкахъ показывается свѣтъ ночника, но не надолго. Свои немногія послушанія монастырскіе братія успѣвають выполнить въ теченіе дня. Читать нечего, писать не для чего, вести бесѣды не съ кѣмъ, да и не о чемъ. Только въ комнатѣ эконома свѣтился не малое время огонекъ, и слышался громкій и живой голосъ Суецкаго епитрона. Начальство монастырское пришло пожелать намъ доброй ночи и

объявить, что завтра еще до свѣта нужно встать, чтобы до дневняго зноя успѣть подняться на *гору Божію*. Ибо такъ рѣшились мы сдѣлать, чтобы не терять напрасно времени, да и естественно было поскорѣе ознакомиться съ тѣмъ, что составляло главную цѣль всего нашего путешествія.

Простились и разошлись по келліямъ. Я сошелъ на террасу, т. е. плоскую крышу одной изъ многочисленныхъ малыхъ церквей обители въ самомъ сѣверозападномъ углу ея. Оттуда видъ нѣсколько обширнѣе. Восходящій мѣсяцъ освѣтилъ прямо передо мною темный садъ монастырскій, сторожащія его выси, и за ними уходящую въ недоглядную даль, равнину *Раха*, по которой мы сегодня утромъ тащились, палимые солнцемъ и старающіе нетерпѣніемъ добраться до мѣста покоя. Тамъ, тамъ остался онъ—міръ «красный». Между нимъ и монастыремъ лежитъ отчаявающій шестидневный путь, и на всемъ этомъ протяженіи ни лица, ни голоса человѣческаго! Еще далѣе до «міра» по направленію къ сѣверу, а къ востоку и совсѣмъ его нѣтъ. На югѣ одна печальная Раиоа.. Ужасающая пустыня во всѣ стороны! О, много надобно имѣть духа (и совсѣмъ мало плоти) тому, кто рѣшается жить на Синаѣ. Послѣ этого уже и палящая «дебрь огненная» при лаврѣ св. Саввы кажется привлекательною, а каменистая и ненаселенная Палестина—поистинѣ землею, кипящею млекою и медомъ... *Всякое вещественное наше мудрованіе усти*, твердилъ по ежедневной привычкѣ языкъ, *даруй намъ бодръ умъ, цѣломудръ помыслъ, сердце трезвящееся, сонъ легокъ..* А то ли было въ подавленной пустынею, и какъ бы уже всѣми оставленной и заживо погребенной, душѣ? Далеко нѣтъ. *Вещественное мудрованіе* точно теперь только проснулось. Вещественность стала выдавать себя за существенность въ укоръ и перекоръ кому-то невещественному.. Въ *умъ*—дремота, отупѣніе, изнеможеніе, страхъ какой-то, чуть не полное уныніе. *Помыслы..* ни одинъ не присѣдитъ той чудной «Лѣствицѣ бо-

жественнаго восхода», которая здѣсь сколочена руками великаго подвиголюбца для умнаго восхожденія на умный Синай. А въ *сердцѣ*? нѣтъ сомнѣнія, въ немъ всегда есть возможность опьянѣть отъ трапезы жизни, утолстѣть, расширѣть и оставить Бога, сотворшаго его. Но.. все же, *Владыко, даруй ми сонъ легокъ и всякаго мечтанія сатанина измѣненъ.*

Синай. 4 авг. 1870 г. Вторникъ.

Рано стали раздаваться на сосѣдней галлерей шаги уготовлявшихъ путь нашъ на Синай. Они забирали кое какія наши и свои вещи. Въ церкви давно уже правилась утренняя, и чуть она окончилась, мы отправились въ путь. Престарѣлый и прелюбо-сердый икономъ обители, старецъ *Іаковъ*, снабдилъ насъ всѣмъ пужнымъ на дорогу, въ томъ числѣ и путническими жезлами. Чуть брезжилось, когда мы вышли за монастырскую ограду. Обогнувши сѣверную стѣну ея, мы стали подниматься вдоль восточной стѣны на гору. Неоднократно рассматривая вчера и просто и въ трубу этотъ, если и не единственный, то самый общепринятый, подъемный путь на Синай, я находилъ его дотого простымъ и легкимъ, а наконецъ я краткимъ, что не могъ надивиться расказамъ о его непомерной трудности. До верхней точки зрѣвшагося изъ монастыря пути, казалось, не придется сдѣлать болѣе трехъ остановокъ. Ибо мнѣ ли не знакомы горніе пути, подсказывало самолюбіе. Такъ. Но трехъ остановокъ достало только до точки, съ которой начиналъ быть видѣнъ изъ монастыря стропотный путь. Отъ сей же точки они пошли еще чаще. По словамъ *Проскинитарія* св. горы Синайской, отъ подшвы горы до вершины надобно перешагнуть 3100 ступеней *).

¹⁾ *Гогара* насчитываетъ ихъ 14.000, и всѣ онѣ высѣчены по словамъ его въ камнѣ.. По у него и монастырей подлѣ Синайской горы 40, и всѣ они обнесены одною каменною стѣною, и браій въ монастырь св. Екатерины 300, и дверей желѣзныхъ (!) на пути къ вершицѣ Синай трое.. и т.

Тоже говорить и *Барскій*. Миѣ разъ довелось жить на высотѣ 105 ступеней, и я всякій разъ, какъ поднимался къ своей келліи, находилъ неизбѣжнымъ двукратно отдохнуть. Основываясь на этомъ примѣрѣ, я со страхомъ готовился теперь къ непосильному труду, требовавшему 60—кратнаго роздыха. Пресловутыя ступеньки точно обозначились, чуть мы подошли къ самой кручѣ восхода. Собственно говоря, это не ступеньки настоящей лѣстницы, какъ мы ихъ привыкли представлять, а каменные глыбы то длинныя, то короткія, то наклонныя, то отвѣсно торчавшія, то видимо уложенныя руками человѣческими, то природныя. Торная стезя стала извиваться, переходя съ одного берега горной рывины на другой. Между тѣмъ разсвѣтало. Монастырь весь видѣнъ былъ позади насъ какъ на ладони, и все умаялся въ размѣрахъ. Начались и неурочные роздыхи съ отираніемъ потныхъ лицъ и неестественнымъ звучаніемъ голосовъ. Черезъ полчаса или и болѣе, а по указанію печатному черезъ 500 (несомнѣнно больше) ступеней, мы заворотили за одинъ камень, и очутились на малой площадкѣ аршина въ два въ поперечникѣ. Намъ сказали, что мы дошли до ключа *Цангара*. Зналъ я о существованіи его и о имени его, но не зналъ того, что услышалъ о носившемъ это имя, а именно о слѣдующемъ: «Жилъ нѣкогда въ Каирѣ одинъ сапожникъ, православный христіанинъ, неизвѣстно какъ называвшійся по имени. Въ то время калифомъ былъ одинъ весьма жестокой человѣкъ. Разъ онъ призвалъ къ себѣ патріарха Александрійскаго, и сказалъ ему: въ книгѣ вашей говорится, что кто изъ васъ скажетъ горѣ какой нибудь двинься съ мѣста, то гора подвинется. И такъ или ты сдѣлаешь то,

дальше. Впрочемъ, цифра 14.000 стоитъ и у Thewissen. *Адрихомій* мѣряетъ высоту горы шагами, и насчитываетъ ихъ 7.000.—*Проскинитаріемъ* мы называемъ книгу: *Περὶ γραφῆς τῆς τοῦ ἁγίου καὶ θεοφάνους ἱεροῦ Συνα 1817.*

что говорится въ книгѣ вашей и докажешь, что вѣра ваша истинна, или принимай исламъ со всеѣмъ твоимъ народомъ, если хочешь жить на свѣтѣ. Никакое возраженіе патріарха небыло принято. Онъ былъ въ отчаяніи, вышедши отъ калифа. Ночью во снѣ кто-то повелѣлъ ему отыскать въ городѣ такого-то цангаря (сапожника), и просить его сдѣлать передъ калифомъ требуемое чудо. Цангарь былъ отысканъ и послѣ долгихъ отговорокъ упрощенъ подчиниться волѣ Божіей и пойти съ патріархомъ къ калифу. Калифъ, не менѣе патріарха изумленный видомъ приведеннаго, созвалъ весь свой синклитъ и множество народа на небывалое зрѣлище. Бѣдный цангарь помолился Богу, и въ простотѣ сердца сказалъ первой, какая была передъ глазами, горѣ: *двинься!* Гора двинулась. Калифъ и весь народъ въ одинъ голосъ закричали: *стой, стой!* Христіанство этимъ не только спаслось въ Египтѣ, но и получило разныя привилегіи. Гора получила имя: *Дурда* (стой) ¹⁾. А цангарь, вошедшій въ величайшую славу друга Божія и чудотворца, не вынесъ своего положенія, и скрылся на Синай. Но и здѣсь добродѣтель его не замедлила просіять. Въ первый же разъ, какъ онъ поднимался изъ монастыря на Гору Божію, и, изнемогши отъ усталости и жажды, сказалъ: если бы тутъ была хотя капля воды!, вода вдругъ просочилась изъ подъ камня. Чудотворецъ долго жилъ тутъ, и тутъ же почилъ о Господѣ. Разсказанное мнѣ на мѣстѣ преданіе, къ удивленію моему, не приводится нашими паломниками 1582, и 1728 и 1845 годовъ, ни самымъ «Проскинигаріемъ наконецъ, отчего и не представляется достаточно твердымъ. А хотѣлось бы вѣрить существованію и дѣламъ сего новаго Моисея ²⁾. Пока передавался расказъ, мы сидѣли подъ скалою и

¹⁾ Расказывавшій говорилъ, что гора та и понынѣ носитъ это названіе.

²⁾ Въ «Первомъ путешествіи на Синай» цангарій называется современникомъ патріарха Александрійскаго *Іоакима* (1561 - 1573). Но отъ этого

отдыхали. «Сладчайшей», по Проскинитарію, воды мы не пили, боясь простудиться. Служа водопоемъ стадамъ козъ, мѣсто имѣеть довольно засоренный видъ.

Отдохнувъ тутъ, мы пошли далѣе. Стезя наша вьется змѣей. Монастырь позади насъ то скроется, то опять покажется, и принимаетъ все меньшіе и меньшіе размѣры, напоминая то шахматную доску, то игральную карту; наконецъ, при одномъ крутомъ поворотѣ, онъ совсѣмъ исчезъ. Мы карабкаемся съ камня на камень, часто теряя совсѣмъ другъ друга изъ вида. Казавшіяся крайними снизу, верхи горы поравнялись съ нами и уступили намъ первенство. За ними встали другіе, вовсе незримые и не предполагаемые изъ монастыря, тѣхъ же странныхъ, своеобразныхъ очертаній. Большая ложбина, начавшаяся у подошвы горы, и поднимавшаяся вмѣстѣ съ нами, перешла въ разные расщепы скалъ, и въ нихъ потерялась. Все приняло недоступный описанію характеръ. Сухая цепловидная травка чаще стала показываться изъ расщелинъ каменныхъ, а въ одномъ мѣстѣ изъ отвѣсной гранитной скалы, стоявшей стѣною аршинъ въ 20 вышины, выникло даже цѣлое деревцо. По Проскинитарію мы оканчивали уже третію полтысячу ступеней, когда узрѣли передъ собою въ одномъ ущельи, столько порадовавшую насъ, геометрическую фигуру дома. Надоѣла (на время) природа съ ея неправильными формами, посмѣвающимися всѣмъ пожитіямъ человѣческимъ о наилучшемъ сочетаніи линій. Ничего нигдѣ прямолинейнаго, ничего круглаго, нич го симметричнаго. Вездѣ игра, капризь, недоконченность какая-то, какъ бы наобъумность, полнѣйшее равнодушіе къ тому, какъ, что, изъ чего и для чего выходить или выйдет...

историческаго указанія мало пользы нашему преданію. При патріархѣ Іоакимѣ уже не было калифовъ. Въ 1317 г. при султанѣ Селимѣ II Египеть стала областію Турціи. Führer, Della Ualle, Thewenot, Росоокъ, упоминаетъ объ источникѣ, говорятъ только, что онъ открытъ однимъ изъ монастырскаго братства.

Такъ разсуждаетъ ничтожнѣйшая изъ неправильностей, созданныхъ творческою рукою, голова человѣческая! И кто, въ самомъ дѣлѣ, этотъ незванный архитекторъ породившаго (или выродившаго) его міра, требующій отъ природы придуманной имъ, и отъ сердца вѣруемой, правильности очертаній? Тотъ, въ комъ единственная, можетъ быть, геометрическая линія видится въ очертаніи глазнаго зрачка, и ни въ чемъ прямой линіи, нигдѣ настоящаго геометрическаго угла. Бѣдный умъ! Стремясь неудержимо къ своему идеальному правилу, и «возсоздавая» природу по своему усмотрѣнію, онъ недумаетъ, что выражаетъ этимъ свое фатальное влеченіе къ иному ея бытію, разложенному, какъ говорится въ наукѣ, или разрѣшенному, кристало-видному, отжившему или не жившему, холодному, безплотному, духовному! Но.. пусть онъ себѣ трудится, съ пастойчивостію мономана, на своемъ отвлеченномъ поприщѣ, во смѣхъ окружающему его, нематематическому строю реальной жизни! Онъ дѣлаетъ свое дѣло. Его геометрическая тенденція—*не отъ міра сего*. При страшныхъ, всеотрясающихъ и разлагающихъ звукахъ трубы Архангеловой, я не знаю, не разрѣшится ли вся земля на тщетно искомые теперь въ ней геометрическія линіи, и не пойдетъ ли оттолѣ за одно съ человѣческимъ духомъ во всѣхъ явленіяхъ своей *новой*, тоже будущей, жизни.

Небольшое зданіе, къ которому мы приблизились, была церковь «Богородицы Икономаевой» ¹⁾. Она стоитъ по лѣвую сторону дороги, имѣетъ видъ четырехугольной комнаты, мала, низка, темна и видомъ невзрачна. А между тѣмъ, чудный поводъ къ постройкѣ ея стоилъ бы того, чтобы сдѣлать ее великолѣпною.

¹⁾ По греческому употребленію. По арабски: *Дамане*, говоритъ Проскинитарій, и переводитъ это слово именемъ: *поручительница*, а точнѣе—освободительница или выкупница. *Фиреръ* называетъ церковь: *S. Maria del apparizione*. *Делла—Валле* утверждаетъ, что по мѣстному преданію его времени (1615), на мѣстѣ семъ явился Христосъ кому-то изъ братій.

Однажды монастырю Синайскому не чѣмъ было жить болѣе, и не предвидѣлось ни откуда никакой помощи. Братія все до одного рѣшились оставить монастырь, заперли его накрѣпко, и пошли на верхъ горы въ послѣдній разъ поклониться мѣсту «Божія снисхожденія», и отслужить послѣднюю литургію. Болѣе другихъ жалѣвшій, конечно, о монастырѣ, или болѣе другихъ имѣвшій хлопотъ по нему, наконецъ—болѣе другихъ можетъ быть обремененный лѣтами, икономъ монастыря ¹⁾ отсталъ при этомъ отъ общества, и поднимался на гору одинъ. Въ этомъ мѣстѣ встрѣтилъ онъ женщину съ груднымъ младенцемъ, надобно думать, спускавшуюся съ горы, и одѣтую по обычаю страны. Страница спросила иконома по арабски, куда они идутъ сегодня все до одного. Икономъ рассказалъ, какъ и что было. Женщина отвѣчала на это приказомъ, по совершеніи на верху службы, возвратиться всемъ въ монастырь, гдѣ они найдутъ потребное количество пшеницы. Икономъ пошелъ далѣе. На вершинѣ горы, когда кончилась божественная служба, братія рассказали иконному, какъ пустой случай конечно, встрѣчу съ ними при подъемѣ на гору одной женщины увѣрявшей ихъ, что въ монастырѣ много пшеницы. Братія называли путницу помѣшавшеюся или пустословившею на томъ основаніи, что они послѣдніе оставили монастырь и конечно лучше ея знали положеніе дѣлъ въ немъ. Рассказалъ имъ въ свою очередь и икономъ о встрѣчѣ съ тою же женщиною, говорившею и ему тоже самое. По сличеніи времени оказалось, что обѣ встрѣчи произошли въ одиѣ и тѣже минуты. Всѣмъ стало понятно значеніе встрѣчи. Братія бѣгомъ возвращались въ оставленную обитель. Еще съ горы ²⁾ различили они около мона-

¹⁾ Гдѣ же были на тотъ разъ архіепископъ или игуменъ монастыря?

²⁾ По *Проскинитарію*, съ самаго того мѣста, гдѣ иконному встрѣтилась нежданная благовѣстница. Но съ мѣста того не видно ни монастыря ни самаго удола, на которомъ стоитъ монастырь. *Барскій* умалчиваетъ о преданіи связывающемся съ названіемъ церкви, а *Коробейниковъ* и о самой церкви.

стыря людей и верблюдовъ съ грузомъ пшеницы. Достигши его, узнали отъ людей, что одна женщина черезъ своего прикащика старика наняла ихъ (гдѣ?) отвезти пшеницу въ монастырь. За тѣмъ въ рассказъ начинается темнота изложенія, несущественно, правда, относящаяся къ дѣлу, но все же не желанная. Какъ бы то ни было, между братствомъ ѡбителя составляется убѣжденіе, что женщина, нанявшая верблюдицъ и сходявшая съ Синая въ достопамятный день, есть одна и таже, а именно *Богоматерь*, и что мнимый прикащикъ ея былъ не кто иной, какъ *Моисей*. Время случая не указано въ Проскинитаріѣ. Кромѣ церкви Икономовой, выстроеной въ память явленія Богоматери иконому, братія ознаменовали также памятникомъ и мѣсто явленія ея всѣмъ имъ. Не могли тамъ выстроить церкви по крутости и тѣснотѣ мѣста, они высѣкли въ прилежащемъ къ дорогѣ камнѣ углубленіе, и поставили въ немъ икону Поручницы.

Помогившись на мѣстѣ, ознаменованномъ такимъ отраднымъ для боголюбцовъ событіемъ, и отдохнувши вдоволь, мы приготовились идти далѣе. «Теперь будетъ немножко потруднѣе», сказалъ намъ въ поощреніе одинъ изъ вожатыхъ. Потруднѣе! А доселѣ, видно, легко было! Въ самомъ дѣлѣ, подъемъ начинался чуть не отвѣсно. Но къ счастью, стезя, извиваясь между скалами, не давала видѣть того, что ожидаетъ ступающую ногу впереди. Да и некогда было смотрѣть впередъ. Ноги скользили по истертымъ въ теченіе вѣковъ глыбамъ гранита. Случалось хвататься за нихъ и руками. Потъ катился градомъ, какъ говорится, и дыханіе спиралось. Одно и единственное постоянно имѣется въ виду—держаться неуклонно того, кто идетъ впереди и ставать ногою во всю подошву. Возбрались къ малой двѣрцѣ, сложенной изъ гранитныхъ, правильно тесанныхъ, камней и сведенной аркою, на коей видѣлось изображеніе креста. Дверца находится въ самомъ тѣсномъ мѣстѣ дороги. Ни обойти ея ни перелезть черезъ нее нельзя. Разумѣется, мы остановились у нея,

и рады были случаю отдохнуть незнаю уже въ который разъ. Въ старыя времена дверь затворялась. Съ внутренней стороны ея постоянно находился при ней привратникъ, который и требовалъ отъ восходящихъ на гору письменнаго удостовѣренія о себѣ отъ монастырскаго начальства. Кто имѣлъ таковое, восходилъ выше. Такъ какъ ворота эти уже цѣлые вѣки стоятъ настежъ, и никто не показался въ нихъ для сдѣланія намъ допроса, а притомъ же и начальство монастырское шло вмѣстѣ съ нами на гору, то мы и минули ихъ безирепатсвенно. Поднимаемся по прежнему. «Скоро ли»? спрашиваютъ менѣе терпѣливые.—Да!—отвѣчаютъ намъ такимъ тономъ, отъ котораго можно придти въ отчаяніе. По справедливости говори, не слѣдовало и спрашивать, потому что ожидалось впереди и еще другія ворота, и уже за ними начинается то, что поистинѣ было для насъ пока terra incognita. Достигаемъ вторыхъ воротъ духовническихъ, во всемъ подобныхъ первымъ. Преданіе тутъ двоятся. У воротъ этихъ или требовалось духовническое свидѣтельство о томъ, что идущій на гору исповѣдывался и есть чистъ, или происходила самая исповѣдь. Могло, думаемъ, случаться и то и другое. Видъ отсюда на пройденный путь производитъ головокруженіе. Высоко мы поднялись конечно, но сразу понять этого нельзя. Въ глубинѣ спуска видятся только первыя ворота, а что за ними еще ниже и есть ли что ниже ихъ, не угадаешь. Къ сѣверу, куда единственно разширяется нѣсколько кругозоръ, по прежнему торчатъ громады горы св. Епистимія. И не скоро еще мы перевысимъ ихъ. Нѣтъ, это не Палестинскія горы, которымъ тоже, казалось прежде, числа и мѣры нѣтъ. Солнце давно уже взошло, и тамъ, гдѣ стезя наша поворачивалась лицомъ къ нему, палило насъ по африкански. Вѣтра нѣтъ, или онъ есть, да не доходитъ до насъ изъ за передовыхъ высей. «Смотрите»! радостно вскричалъ шедшій передо мною. Я поднялъ взоръ туда, куда указывалъ голосъ. Поверхъ багровой скалы, на ясной лазури неба, но еще далеко

отъ насъ, рисуется великолѣпный кипарисъ. Не посмотрѣлся бы на него, но некогда. Впередъ и впередъ! Чудное видѣніе придало если не силы, то усилія поскорѣе кончить восходъ, видимо уже близящійся къ предѣлу. Точно, скала разступилась, и открыла за собою ущелье, а ущелье вышло на площадь съ мягкой землею и зеленью, цѣну коихъ можно понять только на Хоривѣ и ему подобныхъ твердыняхъ. Поворачиваемъ къ югу, и прямо направляемся къ кипарису, одиноко высающемуся на горной равнинѣ, и, по мѣрѣ приближенія нашего, принимающему необыкновенные размѣры. Подъ стѣю Горѣ Божіей и этотъ ея питомецъ—великанъ. Отъ радости забылъ я и указной счетъ ступенямъ и разглагольствованіе Проскинитарія о пророкѣ Пліи, и только что возглашенное кѣмъ-то изъ вожатыхъ: «тутъ мы отдохнемъ минутъ съ 10». Миѣ представилось, что все уже кончено, и что обрисовавшаяся на холмѣ за кипарисомъ, малая храмина есть самая оная вершинная церковь Преображенія Господня. Иллюзія, конечно, разсѣялась немедленно. Далеко еще отсюда до верха? робко спросилъ я.—Да какъ вамъ сказать? отвѣчали миѣ,—можетъ быть менѣе, чѣмъ прошли. Только дорога будетъ покруче.—Еще покруче! И—можетъ быть менѣе! А идемъ уже часа полтора.

Но, нечего дѣлать. Сижу у пресловутаго и ненагляднаго кипариса ¹⁾. По близости его есть колодезь чистой воды, собирающейся отъ дождей, а за колодеземъ огородъ, засѣянный арбузами и дынями, еще не спѣлыми. Площадь кажется круглою. Со всѣхъ сторонъ она обставлена голыми скалами, увѣнчанными по мѣстамъ крестами, бѣдѣвшими на синевѣ неба. Немедленно строится въ умѣ поспѣшное заключеніе: ясное дѣло, что Хоривъ былъ когда-то огнедышущею горою. Площадь эта образовалась изъ давно потухшаго и засыпаннаго обломками боковыхъ высотъ, кратера.

¹⁾ Странно, что о кипарисѣ этомъ, кромѣ *Проскинитарія*, никто не упоминаетъ. Значитъ, онъ не старѣе 100 лѣтъ.

А этот скалистый конусовидный холмикъ, торчавшій прямо передъ глазами по направленію къ югу, есть очевидно центральная сопка, какими обилуютъ волканическія горы луны. Вопросъ оставался: которая изъ отмѣченныхъ крестами и стоявшихъ амфитеатромъ высотъ есть высшая верхушка горы,—онъ самъ, «богосущественный» Синай? Синая не видно отсюда, подсказали мнѣ бывальцы. Еще разъ—его не видно! Его не видно и изъ монастыря, носящаго его имя. Его не видно и отсюда, послѣ полуторачасоваго восхода на него. Доколѣ же онъ будетъ укрываться отъ нетерпѣливо ловящаго его взора? Но если онъ такъ еще далеко, то очевидно надобно проститься съ мыслию о кратерѣ, и строить снова по новому плану гору Божію. Такова сила впечатлѣній дѣтства. Все еще я не могъ разстаться и представленіемъ просфоры или черененника, когда воображалъ Синай. Разочаровавшись въ этомъ представленіи на долинѣ Раха, я возвратился къ нему на долинѣ Хорива. Но обманчивая сопка очевидно не говорила въ пользу его. Ея основаніе слишкомъ мало, чтобы держать такую громадную просфору на себѣ, долженствующую перевысить все эти кругозорныя высоты, и одиноко упереться въ небо. Пойду искать ея далѣе. Направляемся къ давно намѣченной хижинѣ. Она оказалась церковію св. пророка *Иліи*. Снаружи храмъ этотъ видѣиѣтъ четырехугольной загороди, скомканной изъ глины, съ такою же, совершенно плоскою, кровлею. Малою желѣзною дверью вошли мы внутрь полуразрушенной кельи, и изъ нея въ бывшую церковь св. пророка *Елисея*, отгороженную стѣнкою отъ другой такой же св. пророка *Иліи* ¹⁾. Въ восточной части послѣдней видится не-

¹⁾ Съ 1817 г. упоминаются только двѣ эти церкви. При *Пококѣ* и *Барскомѣ* была тутъ же еще третія св. *Марины*. А *Фиреръ* (1563) говоритъ, что онъ видѣлъ три церкви подъ одной кровлей, изъ коихъ первая отъ входа—св. *Варвары*, вторая—св. *Маріи* (теперешняя Елисеева), а третія св. *Иліи*. Делла-Валле (1615) упоминаетъ еще о четвертой церкви св. *Георгія*. Монастырь очень озабоченъ возвращеніемъ богослуженію этихъ разва-

большая выемка въ скалѣ. Это должна быть та самая пещера, въ которой укрывался величайшій мужъ подзаконной церкви во время величайшаго акта богоявленія. Недавно мы говорили, что природа божія какъ бы совсѣмъ невѣдаегъ, по крайней мѣрѣ насколько не помышляетъ, о чертежномъ творествѣ ума человѣческаго. Неудивительно потому, что и прямыя, непосредственныя дѣйствія Божіи среди природы сей мало соотвѣтствуютъ идеализующимъ понятіямъ и ожиданіямъ человѣка, и божественная сила вдругъ проявить себя въ малой яминѣ на ровномъ мѣстѣ, а не въ расщепѣ страшной стремнины гдѣ нибудь надъ бездонною пропастью, какъ бы нарисовало себѣ случай экзальтированное воображеніе. И такъ пусть въ этой впадинѣ невысокаго бугра сидитъ, укрывшись, ревнивѣйшій къ славѣ Божіей пророкъ, уже знаменанный столькими и преславными чудотвореніями, какою-то невѣдомою силою занесенный въ эту глухую, и отъ всего міра отрѣзанную, пустыню. Онъ и самъ не далъ бы себѣ отчета, зачѣмъ и какъ очутился тутъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ вдуматься въ обстоятельства предшествованія его пробытію сюда. Изъ предѣловъ царства Израильскаго, отъ горы Кармилъской онъ бѣжалъ на край царства Іудейскаго къ памятному въ исторіи предковъ его, *кладязю клятвенному* (Вирсавѣ). Боялся ли онъ и тамъ оставаться, чтобы Іудейскій царь не выдалъ его Израильскому, или иначе какъ было, только и изъ этого, послѣдняго на землѣ отцевъ своихъ, убѣжища онъ ушелъ еще далѣе въ пустыню, на одинъ день путевого разстоянія, вѣроятно по направленію къ югу, т. е. приснопамятному морю Чермному. Но и отъ туда все что-то его гнало далѣе. Уже по прямому повелѣнію Господнему онъ оставилъ совсѣмъ землю обѣтованія, и съ послѣдняго ночлега направился прямо сюда. Подобно тому, какъ предки его шли по таинственной пустынѣ 40 лѣтъ, онъ перешолъ ее въ лѣтъ. На *Хоривскую* церковь, если не ошибаюсь, и въ Россіи производятся сборы.

40 дней, не ядя, ни пия, одинокій и печальный, жалующійся на всѣхъ и все, въ томъ числѣ и на самого себя. *Письмъ азъ лучший отцевъ моихъ*, вопіялъ онъ къ Богу въ своей молитвѣ о смерти. Кто бы посмѣлъ осудить величайшаго изъ пророковъ, если бы не осудилъ себя онъ самъ? И такъ повторимъ слова его. Въ минуты необъяснимаго малодушія онъ не былъ лучше отцовъ своихъ. Тѣ ѣли манну, пили воду, извлеченную изъ камня, внимали гласу Божію, и --не вѣрили Богу. Онъ, недавно сведшій огонь съ неба, заключившій и отверзшій дождевыя хляби неба, вдругъ побѣжалъ отъ одной угрозы жены слабой! Какъ видно изъ двукратно произнесенной имъ здѣсь жалобы къ Богу, ни пустыня, ни трудъ долгаго пути, ни самый 40-дневный постъ не сдѣлали его *лучшимъ*. Да проститъ духъ его дерзновенное слово наше! *Остахъ азъ единъ*, жаловался онъ, не вѣдая, что произноситъ вопіющую ложь и клевету на 7.000 боголюбцевъ, *и ищутъ души моя изъяти ю*. Что подразумѣвалось недосказаннаго въ жалобѣ сей? Какъ не подумать, что въ ней скрывалось желаніе истребленія всѣхъ, оставившихъ завѣтъ Божій, сыновъ Израилевыхъ? Какая разница между нимъ и Моисеемъ! Тотъ молилъ Бога за беззаконновавшій народъ въ то время какъ Богъ хотѣлъ истребить всѣхъ, *оставитъ его одного* и сотворить его въ языкъ великъ! Но.. да не возьмемъ на себя божественнаго права суда надъ самыми судами Божіими. Чѣмъ же отвѣтилъ Богъ на горькую жалобу ревнителя своего? Повелѣніемъ выйти ему завтра рано изъ пещеры, стать *предъ Господомъ въ горахъ*, и ожидать богоявленія. Имѣлъ ли пужду въ такой торжественной и необыкновенной обстановкѣ вѣщанія Божія пророкъ, столько разъ уже внимавшій глаголу Божію? Намъ кажется, что здѣсь даваемъ былъ великому боголюбцу высшій урокъ боговѣдѣнія. Но даромъ же онъ призвавъ былъ изъ Палестины на вѣщій Синай, не напрасно постился, подобно Моисею, 40 дней и 40 ночей. Для одного человѣка, и сего—Иліи, не требовалось новое законодательство,

*

а требовалось только проявленіе духа закона. Послѣ перваго схожденія Божія на Синай протекло уже 600 лѣтъ. Наставала эпоха приготовленія Израиля къ Новому Завѣту. Страшный и неприступный *Богъ Синаинъ* имѣлъ явиться свѣтомъ тихимъ, англемъ безотвѣтнымъ, отрокомъ Божиимъ не прерѣчушимъ ни вопіющимъ. И вѣтъ непривыкшему къ такому новому величію божества, «второму предтечѣ пришествія Христова», какъ ублажается въ христіанской церкви Ілія, предварительно дается уразумѣть, когда и въ какомъ явленіи снидетъ для него на Синаѣ Богъ. Будетъ *вѣтръ, разоряя горы и сокрушая камни*, но не тамо Господь. Будетъ трясеніе земли, но не тамо Господь. Будетъ огонь, и не въ огни Господь. Гдѣ же *Господь Богъ Іліинъ*? И по огни *гласъ хлада тонка*, и—тамо Господь. Что сказать? Сей *гласъ хлада тонка* говорятъ душѣ моей такою теплотою божественной жизни, что мнѣ кажется ничего, болѣе радующаго, не сказано во всемъ ветхозавѣтномъ бытописаніи. Тамо Господь! Тамъ ли, Ты, наконецъ, вотще искомый близорукимъ наблюденіемъ во всей цѣлокупности созданія Твоего? Тамъ ли, Ты, какъ бы намѣренно укрывающій себя отъ того, кто въ вѣкъ вѣковъ не посмотрѣлся бы на Тебя, и передъ кѣмъ палящимъ и разящимъ херувимомъ стоитъ Твое отчаявающее слово: *лице же Мое не явится Тебѣ*? Да, тамо Господь! но гдѣ же сіе: *тамо*? Гдѣ сей *хладъ тонкій*? Былъ ли онъ явленіемъ единоразнымъ и неповторимымъ, или существуетъ гдѣ нибудь всегда и даже глашаетъ о себѣ, но гласа его не слышитъ ухо, открытое для воя вѣтровъ, гула землетрасеній и влопотанія огня, наводящихъ на душу ужасъ а не восторгъ, шлющихъ сердцу не умиленіе, а ожестченіе? Напрасно смотришь томительно вверхъ и внизъ, ко всему прислушиваешься и ловишь кого-то простертыми въ пустоту руками, богословъ Синая. *Богъ Синаинъ, Богъ Іліинъ* не здѣсь, давно не здѣсь, не въ огнѣ и куреніи дыма, даже не въ шелестѣ тонкаго вѣянія, не въ облакѣ, не въ свѣтѣ, ни въ чемъ

видимомъ и слышимомъ, глубже всего ощутимаго, — въ *помазаніи отъ Святаго*, въ общеніи Христова богочеловѣчества, въ богомысленномъ сочувствіи вѣрующихъ. *Идѣже еста два или тріе, собрани во имя Мое, ту есмь посреди ихъ*. Не къ этому ли сводились всѣ богоявленія Синая? Не пришли ли изъ другой области бытія и Моисей и Ілія на тихую и благодатную гору Оаворскую посмотрѣть на Того, Кого напрасно искали узрѣть когда-то на Синаѣ? Много говорила уму и сердцу убогая, оставленная храмина, украшенная пророческимъ именемъ. Я уже былъ внѣ ея, когда вспомнилъ, что вѣдь пророку велѣно было *изыти* изъ пещеры и стать *предъ Господомъ въ горѣ*. Слѣд. таинственное прохожденіе предъ нимъ Бога было не въ пещерѣ, а гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ *на горѣ*, и м. б. тоже на вершинѣ горы, гдѣ происходило подобное явленіе Его и Моисею. Или развѣ предположить, что пещера пророческая была гдѣ нибудь гораздо ниже, при подошвѣ горы а сюда онъ восходилъ для принятія божественнаго откровенія. Какъ бы то ни было, за площадію этою остается имя славнаго Іліи отъ временъ древнихъ, и хорошо для богомольца синайского на пути къ одному величайшему мужу Ветхаго Завѣта встрѣтиться съ другимъ. Что не случайно и не безъ глубокаго значенія оба замѣчательнѣйшія откровенія славы Божіей въ Ветхомъ Завѣтѣ совершились на одной и той же горѣ, это очевидно всякому. А что между обоими синайскими тайновидцами есть особенная нѣкая связь, это показали Оаворъ.

Отъ мѣста богоглашенія восходимъ къ мѣсту боговидѣнія. На первыхъ же ста шагахъ воображаемая сопка, по которой пошла извиваясь стезя наша, оказалась восходящимъ на площадъ мысомъ или оконечностію круто поднимающагося гребня горы. Ступени дороги здѣсь еще явственнѣе обозначаются среди хаоса свалившихся сверху горы каменныхъ глыбъ. Онѣ еще разъ проложены по небольшой ложбинѣ, и потому не позволяютъ путнику видѣть по сторонамъ ничего, кромѣ камня и камня. Оста-

новки наши дѣлаются все чаще и продолжительнѣе. Когда говорю: *наши*, то разумѣю больше самого себя. Фигуры согбенныя, выраженіе лицъ умоляющее, дыханіе частое, тяжелое и сипящее. Кто-то, не до конца истомленный, приравниваетъ его къ пыхтѣнію локомотива. Караванъ нашъ растянулся чуть не на версту, и послѣднимъ первыхъ не видно, отъ этого обстоятельства я и не узналъ, къ какимъ именно точкамъ пути привязывается преданіе о мѣстѣ, гдѣ иноки монастыря встрѣтили Богоматерь, — о камнѣ, который перегородилъ дорогу Иліи, искавшему взойти на верхъ горы, и о скалѣ, на которой стоялъ Моисей, воздѣвши руки во время побоища Амалекиискаго. За то, наименѣе всѣхъ другихъ вѣроятное, преданіе о походженіяхъ основателя Ислама, пристающее какъ грязь къ одеждѣ, къ исторіи христіанства, не мицую моего свѣдѣнія. На Синаѣ довольно живуче имя темнаго просвѣтителя Аравіи. Есть даже какое-то смущенное повѣріе, что онъ или родился въ окрестностяхъ монастыря или служилъ въ монастырѣ въ юномъ возрастѣ. Бедуины окрестные съ большимъ почтеніемъ относятся къ одному камню въ долинѣ шейха *Селма*, если не ошибаюсь, по той причинѣ, что на немъ сидѣлъ Сеидъ М'хаммедъ, когда посѣтилъ разъ монастырь Синайскій. Пусть бы память его и укрывалась въ какой нибудь непроглядной дебри. Нѣтъ, своеобразная фантазія одичалой пустыни вознесла своего любимца на высprenній Синай, но не въ качествѣ обыкновеннаго смертнаго, подобно Иліи и Моисею, во страхъ принимающаго къ явленіямъ Божества, а во всей славѣ достойной мѣстныхъ понятій о величіи (и свѣдѣній о географіи), уѣзжающаго на небо на верблюдѣ *)... Въ этотъ достопамятный моментъ, обремененное благословеніями земли, животное стояло задними

*) Сидѣлъ ли и тотъ же это случай съ поѣздкой *Ресуля* Божія въ эмпирей на кобылицѣ *эль-Боракъ*, предоставляемъ рѣшить теологамъ мусульманамъ.

ногами въ *Меккѣ* и *Каирѣ*. Одну изъ переднихъ ногъ закинуло въ *Шамъ* (Дамаскъ) а другою уперлось на *Синай*. Доказательство того, что это такъ было, оставленный ступнею верблюда слѣдъ на темени горы. Передовые, своротивши съ дороги влѣво, вижу, рассматриваютъ что-то на землѣ. Тоже сдѣлалъ и я. Дѣйствительно, на поверхности скалы, образующей тутъ наклонную плоскость, довольно отчетливо видится углубленный слѣдъ верблюжьей подошвы довольно хорошо уже изученный мною вчера и трегьяго дня, въ патуральную величину и приличную глубину. Игра ли природы это, или произведеніе терпѣливаго художества мѣстнаго, рѣшить не могу *). Пользуясь новымъ предлогомъ къ отдыху, я сѣлъ подъ воображаемую тѣнь блаженного животнаго, которое, по лукавому замѣчанію *Покока*, нз смотря на свою замѣчательную длину, неимѣло особенно большихъ ногъ, и сталъ разсматривать, болѣе соразмѣрную, панораму достойныхъ восточной фантазіи горъ или горныхъ кражей Синайскаго полуострова. Панорама была обширная и чудная и вмѣстѣ страшная. Отъ ногъ прямо къ сѣверу спускалась круто темная гранитная скала. Всѣ верхушки, стоявшія амфитеатромъ кругомъ Ильинской (Хоривской - тоже площади, исчезли или обратились въ малые бугорки, представившіе глазу тоже своего рода площадь, а самой той площади съ кипарисомъ и огородомъ, и всей, пройденной отъ нея, стези, небыло совсѣмъ видно. За желтобурыми буграми улегшаго подъ ногами нашими, Хорива, со всѣхъ сторонъ вставали массы бѣлесоватыхъ, скорѣе лысыхъ чѣмъ «кудрявыхъ», несчетныхъ горъ. Гора св. Епистиміи наконецъ принизилась и приняла невыразимо причудливыя очертанія. Что-то и на ней открылось похожее на площадь, обставленную шишко-образными утесами и господствуемую однимъ пикомъ, сравнительно не вы-

*) Thewenot (1638) думаетъ, что слѣдъ выдѣланъ самими монахами съ намѣреніемъ привлечь къ монастырю благоволеніе мусульманъ.

сокимъ. Въ трубу различались на ней въ одномъ мѣстѣ остатки бывшей когда-то постройки... Но довольно! Еще будетъ время разсматривать синайскую папораму съ вершины горы, при лучшихъ условіяхъ. Тащусь или плетусь все впередъ и впередъ, не видя передъ собою ничего кромѣ той же «горы истомной, лѣствицы каменной и восхода нужного» по прочувствованному выраженію *Керобейникова*. Но уже чувствовалась нѣкоторая легкость если не въ тѣлѣ, то въ сердцѣ, и уже предвкушалась сладость побѣды надъ преодолеваемыми трудностями. Еще двѣ три стоянки, и вотъ—на послѣдней грани постепенно суживающейся скалы—показалось малое четвероугольное зданіе, пріятно бѣлѣвшее подъ лучами высоко поднявшагося солнца. Достигаемъ его, крестясь и шопотомъ привѣтствуя другъ друга. Въ ожиданіи, пока уравнивается дыханіе, стояли кто опершись на палку и понутивъ голову, кто прислонившись къ стѣнѣ, а нѣкоторые, *текиіе скорѣе* по большому запасу усердія или молодости, уже сидѣли на прилавкѣ церковнаго крылечка. и весело смотрѣли на насъ, не могшихъ отвѣчать имъ тѣмъ же. По мнѣнію людей свѣдущихъ, мы находимся на высотѣ 8.000 футовъ надъ поверхностію моря. На такой высотѣ мнѣ не доводилось быть. Конечно, не все это пространство мы прошли въ сегодняшнее утро. Начали мы подниматься еще третьяго дня въ Раиѣ. Но все же было отчего взволноваться крови и закружиться головѣ. Вершина *горы Божіей* или той части ея, которая теперь сливается за Синай, обрывается къ югу и востоку, и скатомъ стоящая къ сѣверозападу, состоитъ изъ двухъ площадокъ, каждая сажени три въ квадратѣ, соединенныхъ между собою перемычкой сажени въ три длиною и въ сажень шириною. Та площадка, которая ближе къ восходу и на нѣсколько вершковъ выше другой, сѣверная—по мѣстоположенію, застроена малою церковію 'Преображенія Господня, образующею простой четвероугольный стѣнъ съ плоскою кровлею. На другой площадкѣ—такая

же хижинка безъ крыши и дверей зовется мечетью. Оба зданія кладены изъ обломковъ значительной когда-то постройки, матеріаломъ которой служили большіе, правильно тесаные куски гранита. Ихъ много разбросано по ближайшимъ уступамъ синайскаго пика, что и показываетъ, что когда-то тутъ дѣйствительно былъ или цѣлый монастырь или по кр. мѣрѣ скитъ, воздвигнутый царскими щедротами. Не нашедши на всемъ подъемномъ пути нашемъ никакихъ остатковъ Юстиніанова храма Богоматери, и напавши здѣсь на несомнѣнные слѣды сего государя, я готовъ думать, что *Проконій* не былъ точенъ въ описаніи воздвигнутыхъ благочестивымъ императоромъ на Синаѣ зданій, и когда утверждалъ, что храмъ Богоматери былъ выстроенъ не на самой верхушкѣ горы, но гораздо ниже, такъ какъ невозможно человеку и проч. то преувеличенно смотрѣлъ на гору Божію, и очевидно говорилъ о ней по слухамъ. А можетъ быть и то, что онъ въ представленіи своемъ не отличалъ Синая отъ горы св. Екатерины *), и зная, что верхушка послѣдней была необитаема, сдѣлалъ подобное заключеніе о мѣстоположеніи Богородичнаго храма. Когда и по какому случаю разрушенъ первоначальный храмъ, и когда на его мѣстѣ очутилась малая церковь Преображенія Господня, положительно неизвѣстно. Вѣроятно послѣ землетрясенія 1312 г. (см. Перв. Путеш. стр. 136). Но и этотъ второй (если не болѣе) по счету храмъ «Св. Верха» видѣлъ неоднократно дни своего запустѣнія. Теперешній храмъ въ томъ видѣ, какъ онъ есть, не насчитываетъ за собою еще и десятка лѣтъ. Западная (лицевая) стѣна его выштукатурена снаружи. Другія же оставлены, какъ были. Внутри вся церковь тоже вновь оштукатурена и побѣлена. Она снабжена простенькимъ деревяннымъ иконостасомъ и вообще всѣмъ нужнымъ, да даже и не-

*) Какъ не отличалъ въ недавнее сравнительно время П. Делля-Валле, называвшій Хортивомъ гору Моисееву и Синаемъ—Екатериниву.

пужнымъ, напр. архієпископскою каедрою. Изящества конечно напрасно было бы ожидать отъ нея. Я высматривать въ церкви «лежащаго возлѣ алтаря», по Коробейникову, великаго камня, въ которомъ укрывался Моисей во время явленія ему Бога. Но, какъ, и слѣдовало ожидать, его тамъ не было. Этотъ камень есть самая скала, на которой выстроена церковь. Определеннѣе его мѣсто указываетъ Барскій, а именно «отъ боку внѣ отъ стѣны сѣверной», слѣдъ уже за церковію. Я послалъ отыскивать его. Съ боку отъ сѣверной стѣны пристроена къ церкви во всю длину ея и почти одной съ нею ширины комната для принятія и укрытія странныхъ во время непогоды. За 200 съ небольшимъ лѣтъ тамъ была латинская церковь Вознесенія Господня, въ которую входъ былъ изъ греческой церкви. Но и здѣсь искомаго камня не было. Самый древній изъ имѣвшихся у меня подъ рукою palmиковъ, *Фиреръ*, оказался въ этомъ отношеніи и самымъ точнымъ. По его словамъ, пресловутая *разсыпна камене* находится въ 12 шагахъ отъ церкви къ сѣверу. Я сдѣлалъ урочное число шаговъ по темнобурому темени горы, и точно увидѣлъ передъ собою угловатую складку скалы, весьма мало впрочемъ напоминающую собою очертаніе человѣческаго тѣла, на которое похожею находятъ ее болѣе или менѣе почти все посѣщавшіе «Св. Верхъ». Любопытнѣе казалось для меня взглянуть съ верху этой скалы на отвѣсную стремнину Синая. Я ухватился руками за что могъ, на случай возможнаго головокруженія отъ страшнаго зрѣлища, но отвѣсные бока горы закрывались отъ взора ближайшими выступами, и ожидаемаго потрясающаго впечатлѣнія не удалось испытать. За то я высмотрѣлъ равнину *Себайе*, совершенно противоположную равнинѣ *Раха*, и по примѣру многихъ другихъ невольно подумалъ, что съ южной, а не съ западной стороны Синая стоялъ станомъ народъ израильскій, когда происходило всестихійное схождение Бога на св. гору, или по крайней мѣрѣ сюда былъ выведенъ Моисеемъ съ равнины Раха въ

преславный день откровенія славы Божіей и всенароднаго законодательства. Съ нея дѣйствительно весь Израиль могъ видѣть то, что совершилось здѣсь на высотѣ. Поддавшись обаянію этой, весьма правдоподобной, мысли, я уже легко рисовалъ въ воображеніи все, что должно было происходить тамъ въ глубинѣ на обширной площади между милліономъ волнующагося народа, оторваннаго отъ вскормившей его земли, отъ роднаго жилища, отъ праха отцевъ своихъ, отъ столѣтнихъ привычекъ, отъ подавляющаго вліянія самой чувственной и самой увлекательной по мистицизму, религій, — и дѣтски послушнаго и строптиваго, и обездушеннаго подневольною работою и избалованнаго рядомъ политическихъ удачъ, какимъ примѣра не было доселѣ...

Въ самомъ дѣлѣ, пусть не было 3.360 лѣтъ, раздѣляющихъ насъ отъ времени, когда гранитная толща, на которой мы пріютились, носила имя *Горы Божіей*, и была на нѣсколько дней престоломъ Вседержителя. Видѣ, представляющійся отсюда глазамъ нашимъ, если и измѣнился въ незначительныхъ подробностяхъ, то общность его несомнѣнно осталась таже самая, какая была въ то чудное и преславное время. Подобно намъ, и нашею же вѣроятно стезею, вотъ восходитъ сюда 80—лѣтній старецъ, нудимый неодолимымъ внушеніемъ высшей силы, въ 3-й день 3-го мѣсяца по выходѣ евреевъ изъ Египта, 22 іюня во вторникъ (?) какъ полагасть *Уссерій*. По крайней мѣрѣ въ этотъ день, по выкладкамъ ученаго изслѣдователя, *ополчился Израиль прямо юры, Моисей же възиде на гору Божію*. И не только на гору эту взбирался онъ по нѣкому, самому ему повѣдомому, зову, но и со всѣмъ народомъ своимъ двигался въ эту трудную и ужасную пустыню безъ повода, безъ нужды, безъ цѣли, тоже по особенному зову здѣсь въ приснопамятной кущинѣ открывшагося ему Бога отцевъ его Авраама, Исаака и Іакова. Какого рода былъ этотъ зовъ, богозванный не повѣдалъ намъ. Слушаясь его, онъ взошелъ сюда. *И воззва его Богъ отъ горы*.. Съ такою просто-

тою и такъ не многословно передано самовидцемъ это, выходящее изъ ряда всего, что мыслимо и вообразимо, обстоятельство! Здѣсь бы искать ключа къ разумѣнію всей сорокадневной бесѣды Бога съ человѣкомъ, свидѣтелемъ которой былъ одинъ говоравшій человѣкъ, онъ же и повѣствователь происходившаго. А между тѣмъ, ключемъ этимъ не отверзается ни одинъ изъ возникающихъ передъ фактомъ вопросовъ. При первомъ явленіи своемъ Моисею, Богъ знаменовалъ себя огнемъ, выходявшимъ изъ куста. Не легко объяснить, но легко представить себѣ, какъ изъ густоты вѣтвей древесныхъ износится голосъ въ членораздѣльныхъ звукахъ человеческой рѣчи. Что-то исходитъ изъ *чего-то*. Но откуда раздавался и какъ слышался голосъ, *возвазавшій его* прямо и непосредственно *отъ горы*? Помню одно дерзновенное обращеніе къ бытописателю одного богослова,—не столько впрочемъ артиста, сколько дилеттанта богословской науки—слово въ слово формулированное слѣдующимъ образомъ: «вмѣсто того, чтобы сто разъ повторять: *и рече Господь къ Моисею*, не лучше ли бѣ было хотя одинъ разъ объяснить, *какимъ образомъ* то или другое *рече Господь къ Моисею*»? Но, почтенный, и не осуждаемый духомъ христіанства (Дѣян. 17, 27), изслѣдователь, какъ же объяснить необъяснимое? Прежде всего, не нужно ли отрѣшиться отъ узкаго, и не въ мѣру простоватаго, взгляда на образованіе и происхожденіе голосоваго звука? Обыкновенно голосъ исходитъ изъ гортани, давая себя понимать какъ нѣчто внутреннее въ чемъ-то вышнемъ. Сходно съ этимъ, онъ исшелъ и изъ купивы неопалимой. Но, еслибы Моисей изъ страха не отвратилъ лица своего отъ горѣвшаго куста, а подошелъ къ нему и осмотрѣлъ весь его, онъ не нашолъ бы въ немъ ничего, откуда бы могъ исходить голосъ. Купина сама по себѣ, и голосъ самъ по себѣ. Такъ и здѣсь, на высотѣ горы Божіей, голосъ Творческій могъ раздаваться и *изъ* чего нибудь, и *не отъ* чего бы то ни было. Въ состояніи безсонницы и крайняго истощенія физическаго яв-

ствениѣйшимъ образомъ слышатся иногда отдѣльныя слова и даже цѣлыя рѣчи, никѣмъ не говоренныя, и ни въ какой связи съ теченіемъ мыслей не состоящія. Когда въ одинъ памятный, и горестный для меня, вторникъ я сидѣлъ надъ отлетающею дорогою жизнію, уже давно неглашавшія уста прошептали вдругъ, при видимомъ испугѣ взора, «я что-то слышу»! И у меня былъ саухъ, достаточно тонкій для различенія самомалѣйшаго звука, но въ знаменательную минуту я не слышалъ ничего; ибо не я стоялъ на рубежѣ понятнаго и необъяснимаго. А между тѣмъ, за два дня до случая, въ изнеможеніи духа и тѣла, я тѣмъ же слухомъ внялъ, невѣдомо откуда и какъ долетѣвшему до него, фатальному слову. «вторникъ»? Что значить этотъ малѣйшій случай? То, что возможны случаи величайшіе. Человѣка, разговаривавшаго съ кѣмъ-то въ состояніи называемомъ бѣлогоричечнымъ, спрашивали потомъ, какъ онъ слышалъ тотъ голосъ, на который отвѣчалъ. Отвѣтомъ послужилъ совѣтъ спросить его, когда онъ опять будетъ въ подобномъ же состояніи.. Состояніе состоящую рознь, конечно, но отчетъ объ одномъ изъ нихъ учить какъ относиться къ другому. Какъ можно приблизить себя къ упомянутому выше рубежу неправильностію отпавленій тѣлесной жизни, такъ можно стать на него усиленнымъ раскрытіемъ въ себѣ духовной дѣятельности, такъ можно, наконецъ, переступить черезъ него вдругъ восхищеніемъ, о которомъ говоритъ Апостолъ, слышавшій однажды *глаголы неизреченные, о нихъ же не мѣтъ есть челоуѣку глаголати*. Что дивнаго, если въ присутствіи и явленіи Живительной силы, открывается у человѣка—Моисея—способность не только слышать рѣчь, никѣмъ не произносимую, но и самому говорить тѣмъ же непостижимымъ и необъяснимымъ языкомъ? И такъ, началась та предивная бесѣда Бога съ человѣкомъ, пророба съ отображеніемъ, безконечности съ ничтожествомъ, *яко же еще бы кто глаголаѣ къ другу своему*. При семъ *первомъ* восходѣ на Синай, Моисей услы-

шалъ немногое, и то, что слышалъ, поспѣшилъ, сошедши съ горы, передать народу.

Съ отвѣтомъ отъ народа Моисей восходитъ во *второй* разъ на гору Божию. Вѣроятно, это происходило на слѣдующій затѣмъ день. Богъ даетъ ему при этомъ обѣщаніе придти къ нему въ облачномъ столпѣ для увѣренія народа.

Неизвѣстно, черезъ какой промежутокъ времени Моисей въ *третій* разъ является на горѣ, гдѣ и получаетъ отъ Бога подробныя наставленія относительно предстоящаго всенароднаго богоявленія. Ему заповѣдывается очистить народъ въ трехъ-дневный срокъ, т. е. въ тотъ самый день и на завтра. А въ третій день Господь сойдетъ на гору Синайскую предъ всеми людьми.

Великій день наступилъ. Передъ утромъ послышались голоса на Горѣ Божіей, заблестала молния и наконецъ темное облако накрыло ее всю, а изъ облака стали раздаваться звуки трубъ, *крѣпцы зло*. Моисей поспѣшилъ вывести очищенный и приготовленный народъ изъ палатокъ и поставилъ подъ горою. Гора уже *дымилась вся*. Богъ сходилъ на нее *во огни*, какъ и прежде при кущинѣ. Огонь остановился на вершинѣ горы. Моисей воззвалъ къ Богу предъ всемъ множествомъ народа. Богъ отвѣтилъ ему съ пламенѣвшей *вершины гласомъ*. И безъ того страшный и перепуганный народъ долженъ былъ придти въ полный ужасъ отъ сего гласа, гремѣвшаго съ такой высоты и изъ такой отдаленности. Гласъ позвалъ Моисея на гору. Это было *четвертое* восхожденіе его на Синай. Здѣсь онъ пробылъ вѣроятно только нѣсколько минутъ, и опять сошелъ къ народу. Послѣ сего послѣдовало преславное законодательство, т. е. ясное и всѣми слышимое изглаголаніе *Десятословія*, ниспосланное съ вершины горы въ глубину равнины къ народу ¹⁾. Чуть это кончилось,

¹⁾ Къ великому сожалѣнію повѣствователя и изслѣдователя священ. исторіи, въ изложеніи сего событія встрѣчается неясность въ некоторой. Что

народъ, съ трудомъ выносившій свою страшную близость къ Богу, отошелъ отъ горы, боясь умереть, и проси Моисея быть посредникомъ между нимъ и Богомъ.

Моисей еще разъ ¹⁾ идетъ на гору вмѣстѣ съ братомъ Аарономъ—повидимому въ тотъ же самый день—и скрывается во мракъ, *идьже бяше Богъ*. При семъ *пятомъ* пребываніи его на горѣ, онъ получилъ отъ Законодателя разъясненіе 10 заповѣдей. Изъ упоминанія о *мракѣ* можно бы выводить заключеніе, что съ окончаніемъ вѣщанія божественнаго, окончились страшныя явленія огня, молній, свѣчей, дыма, вихря и звучанія трубъ, и что остальная часть величайшаго изъ дней земли прошла сравнительно спокойно. Моисей вторично возвратился съ горы передалъ людямъ слова Господа и записалъ ихъ. Весь же слѣдующій день занятъ былъ устройствомъ подъ горою алтаря для принесенія *первой* жертвы и торжественнымъ введеніемъ народа въ завѣтъ съ Богомъ, причемъ Моисей прочиталъ и написанную на камнѣхъ *книгу завѣта*.

Шестое восхожденіе Моисея на гору было вѣроятно вслѣдъ за тѣмъ. Повелѣніе взойти дано было еще при *пятомъ* его восходѣ сюда. Съ нимъ возшли Ааронъ, Надавъ и Авіудъ и 70 старѣйшинъ отъ всѣхъ колѣнъ народа поклониться издалеца Господу. Можно представить, съ какимъ страхомъ и вмѣстѣ во-

именно глашаль **Богъ** съ Синая въ слухъ всего народа, все ли Десятословіе, или только призывныя слова къ Моисею? Стихи 1-й и 20-й главы Исхода и 3-й пятой главы Второзаконія даютъ поводъ думать, что Десятословіе изречено одному Моисею на горѣ, но въ тоже время теряютъ совершенно подобный смыслъ отъ 23 ст. 20-й гл. Исхода и отъ 22 ст. 3-й главы Второзаконія.

¹⁾ Та же неясность. Изъ ст. 24-го 19-й главы Исхода видно, что Моисею сказано было *взойти* на гору и при томъ вмѣстѣ съ Аарономъ, а 21-й ст. 20-й главы даетъ разумѣть, что Моисей находился вмѣстѣ съ народомъ подъ горою, и только отступилъ отъ него *во мракъ*, гдѣ былъ Богъ.

сторгомъ *избранные Израилевы* шли на неприступную и неприкосновенную вчера еще гору. Они удостоились видѣть мѣсто, *идьже стояше Богъ Израилевъ*. Оно похоже было на камень сафиръ, и было чисто, какъ сводъ небесный. Здѣсь, въ радующей близости, было это приснопамятное и достопокланяемое мѣсто, но гдѣ именно? напрасное усиліе отыскать и указать. Всего естественнѣе думать, что на самой вершинѣ, т. е. тамъ, гдѣ теперь стоитъ церковь. Но не о мѣстѣ только тутъ идетъ дѣло. По еврейскому тексту книги Исхода выходитъ, что избранники эти видѣли самого Бога. Двукратно употреблено это выраженіе и еще присовокуплено: видѣли—и ничего не потерпѣли, видѣли—и послѣ того ѣли и пили, т. е. остались въ живыхъ, такъ что не остается мѣста сомнѣнію въ томъ что они дѣйствительно видѣли Бога. Какимъ образомъ въ текстѣ 70 толковниковъ появились вносныя слова: *мѣсто идьже стояше* (Богъ), необъяснимо. Были ли переводчики въ этомъ случаѣ именно тѣмъ, чѣмъ они называются, т. е. *толковниками*, или въ древнемъ текстѣ еврейскомъ находились слова, не существующія теперь, рѣшить не легко, вмѣстѣ съ тысячею подобныхъ случаевъ. Можно бы впрочемъ удивляться тому, что Моисей черезъ нѣсколько дней послѣ сего обстоятельства, настойчиво домогается видѣть Бога, если бы въ сказанномъ случаѣ не только онъ, но и 73 человека вмѣстѣ съ нимъ видѣли Бога. Съ другой стороны, если бы происходило тутъ дѣйствительное видѣніе Бога, то, кажется, рассказъ о видѣніи не ограничился бы однимъ описаніемъ мѣста, на которомъ стоялъ Господь. Что же касается выраженія: *видѣли и не умерли*, то ему есть мѣсто и при томъ и при другомъ предположеніи.

Въ *седмый* разъ Моисей восходитъ на гору вмѣстѣ съ

¹⁾ Какъ бы много для одного дня вывести весь народъ на указанное мѣсто сходить дважды на гору Божию, выслушать довольно обстоятельное изъясненіе Десятословія и написать его въ книгу.

Иисусомъ Навиномъ, 6 дней онъ находится тутъ, ожидая зова отъ Господа, знаменовавшаго еще разъ свою славу здѣсь облакомъ, накрывшимъ гору. На 7-й день показался на вершинѣ ея, опять огонь, столько уже знакомый боговидцу. Еще разъ Вышній открылъ себя этою таинственною стихіею. Огонь видѣнъ былъ всему Израилю, стоявшему, значить, все еще съ восточной стороны Синая. На зовъ божественный Моисей вошелъ въ густоту облака, и пробылъ въ немъ, внимая глаголамъ Сущаго, сорокъ дней и 40 ночей. Кромѣ устно, такъ сказать, переданнаго ему закона, Богъ вручилъ ему при этомъ и двѣ скрижали (то есть доски или плиты) каменные, содержащія тоже самое Десятословіе, писанное, по выраженію самого Моисея, перстомъ Божиимъ. Во все это время Моисей ни хлѣба не ѣлъ, ни воды не пилъ. Долговременное пребываніе его это на горѣ подало поводъ народу самымъ безстыднымъ и безумнымъ образомъ отступитъ отъ Господа и возвратиться къ любимому и столько привлекательному для чувственности, богослуженію идолопоклоннаго Египта. По прямому повелѣнію Господа, Моисей успѣшилъ сойти къ народу, и въ порывѣ гнѣва и преогорченія разбилъ передъ нимъ скрижали *завѣта*, непонятаго, нецѣннаго и пренебреженнаго людьми *жестоковѣчными*. Когда сходилъ онъ съ горы, гора горѣла огнемъ (Второз. 9, 15). Это послѣднее обстоятельство, паномнивши народу великій и страшный *день собранія* (— — 10), вѣроятно не мало содѣйствовало къ тому, что изъ состоянія безумнаго упоенія праздничнаго онъ вдругъ пришелъ въ себя и раскаялся до того, что безпрекословно и съ глубочайшимъ смиреніемъ вынесъ первую и страшную расправу надъ собою грознаго Правителя ¹⁾.

На слѣдующій же день послѣ казни виновныхъ, Моисей въ *осмый* разъ является на горѣ Божіей съ мольбою о помилованіи

¹⁾ Обо всемъ этомъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ *Иосифъ Флавій*—конечно отъ стыда передъ тѣми, для кого онъ писалъ.

преступниковъ. Богъ повелѣлъ ему приготовиться къ продолженію пути въ землю обѣтованную, и объявилъ при семъ, что самъ онъ не пойдетъ съ народомъ изъ опасенія, какъ бы не погубить его въ случаѣ его новаго преступленія. Подобное опредѣленіе Божіе весьма опечалило Моисея, а за нимъ и весь народъ. Послѣ сего, мѣсто откровеній божественныхъ переносится съ св. Горы Божіей внизъ, въ станъ народный, и именно въ кушу Моисея, которая съ сего времени получила временно названіе *Скинїи Свидѣнія*. Куша находилась поодаль отъ стана. Тайнственное облако стало стражемъ при ней и знаменіемъ божественной силы, всегда готовой проявить себя на зовъ пригоднаго къ тому органа. Здѣсь, опечаленный отказомъ Бога сопутствовать народу, и какъ бы на прощаніе съ Нимъ, Моисей проситъ Его открыть ему лице свое. *Богъ Синаи*лъ обѣщаетъ ему показать себя, насколько это возможно выѣстигъ человѣку, еще разъ на той же «богосшественной» горѣ.

Въ *девятый* (и послѣдній?) разъ восходитъ Моисей на высоту сію съ ново-вытѣсанными скрижалями. На этотъ разъ прямо говорится, что онъ возванъ былъ *на верхъ горы*, слѣдовательно тутъ, гдѣ мы находимся теперь черезъ столько вѣковъ послѣ него. Здѣсь была разсѣлина скалы, въ которой долженъ былъ укрыться Моисей на время прохожденія Божія. Время и рука человѣческая давно могли ее уничтожить, но пусть она будетъ эта самая каменная щель, которая въ настоящее время выдается за памятную разсѣлину. Тутъ, значить, укрылся Моисей, полный ожиданія, съ которымъ не можетъ идти въ сравненія никакое ощущеніе человѣческое. Сжатость и темнота слововыраженія еврейскаго не позволяютъ въ желанной наглядности представить это, единственное въ своемъ родѣ событіе. Видно, что всѣ предшествовавшія явленія Бога въ огнѣ и въ облакѣ, мракѣ, дымѣ, вихрѣ, шумѣ и гласѣ и прямомъ собесѣдованіи, были не настолько опредѣленны и ясны, чтобы не оставить мѣста желанію

еще ближайшаго и точнѣйшаго уразумѣнія Того, кто называлъ себя Сущимъ, какъ наиболѣе вѣрнымъ выраженіемъ несоставимаго понятія и неочертываемаго образа. Моисей явился, куда повелѣно было, съ новыми скрижалями. Это было утромъ въ пятый мѣсяцъ исхода Израиля изъ Египта, и слѣдовательно въ іюль или августъ въ одинъ изъ дней, во всемъ подобныхъ нынѣшнему. Было вѣроятно тихо, ясно и прохладно, какъ теперь. Вдругъ набѣжало на вершину горы знакомое Моисею облако безъ огня, дыма, шума и звука. Богъ сталъ близъ пытливаго смертнаго. Согбенный старецъ понялъ это, произнесъ условное: *Иегова* и проч., и вдругъ почувствовалъ лежащую на себѣ руку.. Это было условнымъ знакомъ поднять голову и смотрѣть на НЕГО. О, что увидѣлъ, счастливѣйшій изъ счастливецѣвъ земли? Ни словомъ ни намекомъ ни чѣмъ не выдалъ онъ сего. Даже и то, что онъ долженъ былъ увидѣть нѣчто при этомъ, мы узнаемъ не отъ него самого, ужъ боговидца, а отъ божественнаго предреченія, бывшаго наканунѣ. За то, когда Проходившій отдалялся, бранный языкъ умиленнаго творенія лепеталъ вслѣдъ Ему разныя ублаженія, бывшія почти дословнымъ повтореніемъ того, что самъ о себѣ говорилъ Богъ. Духъ Божій видимо охватилъ собою человѣка, и самъ глашалъ его языкомъ.. Это богоявленіе было началомъ вторичнаго продолжительнаго бесѣдованія Моисея съ Богомъ, длившагося опять 40 дней и 40 ночей, въ которые насыщенный славою подсмотрѣннаго, такъ сказать, божества и упоенный блаженствомъ предвкушеннаго вѣчнаго бытія, земпородный опять не ѣлъ и не пилъ, и не только остался живъ, но еще просіялъ лицомъ до того, что долженъ былъ носить на себѣ покрывало, когда вступалъ въ сношенія съ народомъ.

Послѣ послѣдняго сего восхожденія «человѣка Божія» на Гору Божію, она перестаетъ быть мѣстомъ какъ бы приуроченнымъ для явленія славы Божіей. Моисей, и весь народъ съ нимъ, около 6 мѣсяцовъ занимаются у подошвы Синая устроеніемъ

*

Скинїи Свидѣнія. Ровно черезъ годъ по выходѣ Израильтянъ изъ Египта, Скинїя была освящена. Таинственное облако, столько времени державшееся на вершинѣ горы, и разъ осѣнявши кущу Моисея, сошло на первый храмъ истиннаго Бога. Произошло это, какъ полагаетъ *Уссерій*, 1-го апрѣля въ среду. А черезъ полтора мѣсяца потомъ и весь станъ Израильскій снялся съ мѣста, и раздѣлившись на 4 колонны, отправился въ землю Обѣтованную. Оживленная на малое время, глухая пустыня Синайская возвратилась къ своему гробовому покою, въ какомъ нашли ее и мы послѣ множества вѣковъ, и въ какомъ она безъ сомнѣнія простойтъ до конца вѣковъ.

Мы выслушали божественную литургію, совершенную череднымъ іеромонахомъ монастыря въ церкви Преображенія Господня. И чтеніе и пѣніе было большею частію славянское. Въ минуты, столько извѣстныя—думаю—всякому молящемуся, побѣга мысли съ занимаемаго ею поста богомыслия, появлялся готовый къ непрощенымъ услугамъ, вопросъ: гдѣ мы—славяне—такое широкое мѣсто занимающіе теперь въ семьѣ человѣческой, были съ своимъ языкомъ и съ своей невѣдомой исторіей въ Моисеево время? Евреевъ тогда было 2 милліона душъ. Черезъ три тысячи лѣтъ ихъ насчитывается около 3 милліоновъ. Славянъ насчитывается теперь до 100 милліоновъ. Слѣдовательно въ то давнее время ихъ могло быть около 20 милліоновъ. Пусть будетъ 10. Гдѣ они жили и что дѣлали и по какимъ дѣблямъ и пустынямъ странствовали въ то бродячее время, какія понятія имѣли о *Сущемъ* и какъ служили Ему, славно прославившемуся въ сихъ мѣстахъ, и какъ бы вовсе не для нихъ явившему тутъ свою высокую руку и крѣпкую мышцу? Непроглядный мракъ!

По окончаніи службы, сидимъ на открытомъ крылечкѣ церковномъ, полные высокаго довольства и не погрѣшу, сказавъ—сладкаго умиленія. Безъ объясненія попятно всякому, что должно было происходить въ насъ. Пусть оно и

будетъ вѣдомо намъ однимъ. Даръ, который приносится въ тайнѣ, не напрасно имѣетъ сугубую цѣну, по крайней мѣрѣ привлекаемость. Пусть же хотя что-нибудь останется въ сознаніи нашемъ съ характеромъ цѣлостной жертвы, если бы даже оно ограничилось однимъ неяснымъ представленіемъ, мгновеннымъ порывомъ, безотчетнымъ вздохомъ и подавленнымъ стономъ души, тоже сущей.... за чѣмъ, насколько и доколѣ,—осталось не разгаданнымъ не только на Синаѣ, но и на Фаворѣ, послѣ котораго все еще блаженный боговидецъ изходилъ умѣстнымъ говорить: *не уявися, что будемъ*. Господи Боже отецъ нашихъ! Да доколѣ же мы будемъ носиться съ грузнымъ и томящимъ вопросомъ о частномъ и всеобщемъ бытіи, приражаясь имъ то къ той, то къ другой, холодной и нѣмой скалѣ, означенной богоявленіемъ? Недалеко отъ Синая; и еще въ виду его, величайшій изъ мужей древняго человѣчества составилъ молитву, полную міросозерцательной философіи, занесенную потомъ въ число Псалмовъ (89 Пс.). Читая ее въ двукратномъ переводѣ на греческую и славянскую рѣчь, затемнившемъ нѣсколько смыслъ ея, видишь, или скорѣе — чувствуешь, что просвѣщенный паче всѣхъ мудрецовъ своего времени, учитель и законодатель, боговидецъ и другъ Божій, не прозрѣвалъ далѣе видимаго конца видимаго міра. Не вѣтъ ли неотразимую тоскою отъ словъ его молитвы: *ты возвращаешь человека въ тьмѣ* (съ еврейскаго) *и говоришь: возвратитесь сыны человеческіе?..* Куда имъ возвратиться? За чѣмъ? И что потомъ?. *Тысяча лѣтъ*, продолжаетъ молитва, *предъ очами твоими, какъ день вчерашній, кикъ часъ минувшей ночи..* А мы, а тѣ же лѣта предъ очами нашими—что такое? Лѣгкій сонъ, трава, свѣжая утромъ и засохшая къ вечеру? Да и тѣхъ быстролетныхъ лѣтъ всего 70 или 80. За ними же что? Исчезаемъ, отвѣчаетъ молитвословецъ. Вотъ и все! Ужасный выводъ. Правда такой печальный порядокъ вещей Моисей приписываетъ гнѣву Божию. Но если бы пересталъ сей гнѣвъ, Богъ былъ

умоленъ и человѣкъ прощенъ, что сталося бы съ послѣднимъ, по мысли Моисея? Возвратился бы къ *statu, quo ante.* т. е. къ радости и веселію во вся дни.. Такъ. А послѣ дней веселія и радости чему быть? Вотъ здѣсь-то и видится тотъ, вызывающій стонъ души, пробѣлъ, который будетъ оставаться въ книгѣ жизни человѣчества до самой минуты новаго явленія Бога на землѣ. *Вѣмы*, говоритъ христіанскій боговидецъ и тоже другъ Божій, *яко егда явится, подобни Ему будемъ, ибо узримъ Его, яко же есть.* Вотъ гдѣ разгадка оставленнаго Ветхозавѣтнымъ міромъ пробѣла. Припомнимъ, что Моисей не видѣлъ Бога, *яко же есть.* Подобіе славы Божіей отражалось, правда, и на немъ, но, видно, отражалось (дерзнемъ сказать) не отъ естества и даже не отъ лица, а отъ обличія Божества. Оттого онъ и былъ подобенъ Ему по внѣшней (сіялъ лицомъ) и по внутренней (чудотворилъ) славъ, деколѣ жилъ. Тѣ же, которые узрятъ Его нѣкогда, *яко же есть*, будутъ *подобны Ему* по естеству, т. е. будутъ жить вѣчно. Пробѣлъ оный представляется такимъ образомъ для взора вѣры исписаннымъ весь обѣтованіемъ исполненія наилучшей изъ надеждъ человѣческихъ.

Послѣ длиннаго обзора прошедшаго, заглянувъ въ будущее, возвратимся къ настоящему. Есть на что посмотрѣть намъ съ Синая и тѣлеснымъ зрѣніемъ. Много разъ я уже любовался видами съ высокихъ горъ. Памятны мнѣ многоразличныя ощущенія, испытанныя мною при этомъ. Не обинуясь скажу, что ни одно изъ нихъ не походило на то, какое вызываетъ въ душѣ открывающаяся съ Синая панорама. Такого безжизненнаго, сухаго, дикаго, печальнаго и прямо—страшнаго вида мнѣ не приходилось еще встрѣчать. Панораму эту можно раздѣлить на два собственно вида, одинъ къ югозападу, другой къ сѣверовостоку. Первый, довольно тѣсный, на разстояніи (кажущемся) трехъ-четырехъ верстъ, загораживаемый ломаною линіею горнаго хребта, превышающаго собою уровень вершины синайской. Второй—иду-

щей въ необозримую даль и представляющей несчетныя вершушки изъ второстепенной высоты, уходящихъ вдаль одна за другою до широкой песчапой полосы, за которою опять одною непрерывною стѣною стоитъ, менѣе высокій, горный хребетъ, направляющійся отъ запада къ востоку. За нимъ видится вторично песчаная полоса, заканчиваемая опять такимъ же сплошнымъ, но уже едва различаемымъ, хребтомъ, отдѣляющимъ Синайскій полуостровъ отъ великой пустыни Филистимской. Первое, что привлекаетъ къ себѣ взоръ въ первой панорамѣ, безъ сомнѣнія есть *гора св. Екатерины*. Она закрываетъ собою почти $\frac{1}{4}$ гóризонта, т. е. весь югъ. Масса ея разщепленная, изборозженная, растрескавшаяся, темно-бураго, почти чорнаго цвѣта, собирается шатромъ, но на самой вершинѣ раздвоилась на два пика, по видимому равной высоты. Ближайшій изъ нихъ (къ Синаю) увѣянъ малою храминою, воздвигнутою на мѣстѣ, гдѣ много лѣтъ, по преданію, покоились безвѣстно (!) св. мощи Великомученицы. Слѣдуя взоромъ послономъ, спускаешься съ зубчатыхъ боковъ горы до линіи какъ-бы одного уровня съ мѣстомъ наблюденія, и переходя на иззубренныя очертанія многоголовой горы *Хумръ*, отдѣляемой отъ Синая однимъ тѣснымъ ущельемъ. Съ вихъ перелетаешь на такую же коковообразную кучу скалъ, составляющихъ горы *Гюбше* и *Сулъ-сулъ-Зейтъ*, которую можно бы созвучно переименовать въ Сосуль-гору. Такъ она напоминаетъ собою наши, фабрикуемыя отпечелью, сосульки подкровельныя, голько обращенныя низомъ вверху. За этими передовыми толщами высится громадною стѣною гора *Сулерь-эт-Тинія*, значительно низшая Екатерининской горы и, подобно ей, двуверхая. На одномъ изъ пиковъ ея различается даже простымъ глазомъ значительной величины постройка, ярко бѣлѣющая на лазури неба. То былъ затѣянный Аббасомъ-пашею дворецъ,—мертво-рожденный плодъ самой прихотливой фантазіи избалованнаго властію преемника фараоновъ. Гора эта есть та самая, на которую

миѣ указывали еще изъ Раины, какъ на опредѣляющую собою мѣстность Синая. Съ нея взоръ переходитъ на узорочную линію верхушекъ горы *Сурей*. Это должны быть тѣ гранитные утесы, которые гигантскою щетиною стояли вчера у насъ по правую руку, когда мы пробирались ужаснымъ ущеліемъ. Они закрываютъ собою отъ глазъ и косоголовую гору *Хава* (Хавейтъ—по картамъ) и отдаленный *Сербалъ*. За тѣмъ прямо на сѣверъ начнется вторая половина панорамы. Отъ ногъ нашихъ круто спускается въ незримую глубину хребетъ Синая, снова поднимаясь за нею уступами до противоположной намъ высшей точки его, носящей особое имя *Сафсафе*. Многіе изслѣдователи свящ. древностей къ ней приурочиваютъ дорогое имя Синая на томъ основаніи, что она господствуетъ надъ равниною Раха, гдѣ по общему мнѣнію долженствовалъ быть станъ израильскій, и откуда нѣтъ возможности видѣть настоящую вершину горы. Прямо за нею уходила вдаль и та пятиглавая гребенчатая гора, которая вчера въ утреннемъ сумракѣ казалась высочайшею и выдавала себя за преждевременно, и потому напрасно, искомый. Хоривъ. Какою приземистою кажется она теперь въ сосѣдствѣ съ перечисленными высотами! Ея пять зубцовъ начинаютъ собою ряды другихъ, подобныхъ имъ, переходящихъ наконецъ въ цѣлое море, какъ выражается *Iteneraire*, горъ черныхъ, обрывистыхъ, голыхъ, разорванныхъ, къ этому полнѣйшій образъ безплодности и опустошенія». Миѣ опять, при видѣ ихъ, пришли на память луныя горы, песчатыя, пестройныя, голыя, мертвыя и ужасныя, навѣвающія на душу неотразимое уныніе. Достойнымъ, такъ сказать, предисловіемъ къ нимъ служить сосѣдняя съ Синаемъ, невообразимо изрытая и изуродованная куча скалъ, называемая въ народѣ «монастырскою» горою, а въ самомъ монастырѣ слывающая за гору «св. Епистиміи» мученицы, тутъ подвизавшейся въ первые вѣка христіанства. За окаменѣлымъ взволнованнымъ моремъ, возвращаясь къ Исходному пункту, взоръ упирается въ

далекую, блестящую подъ лучами солнца водную полосу, т. е. восточный рукавъ Красноморскаго залива, за которою чуть различаются на бѣловатомъ небосклонѣ очертанія, тоже весьма высокихъ, горѣ Каменистой Аравіи. Идя отъ нихъ взоромъ къ мѣсту наблюденія, подъ самымъ Синаемъ останавливаешься на упомянутой уже выше, холмистой равнинѣ *Себайе*. Повторяю при семъ случаѣ, что на ней, а не на противоположной ей, Рахійской равнинѣ, надобно искать мѣста всенароднаго собранія Израиля въ день законодательства. Моисей могъ парочно вывести его сюда съ равнины *Раха*, и потомъ опять отвезть туда, гдѣ ему во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе было размѣститься и гдѣ дѣйствительно остались слабые слѣды его пребыванія въ памяти мѣстностей Скинии Свидѣнія, слитія золотаго тельца и пр.

Насидѣвшись и насмотрѣвшись вдаль, я пожелалъ подробнѣе впечатлѣть въ памяти предметы подручнаго наблюденія. Осмотрѣлъ и церковь и мечеть со всѣхъ сторонъ съ намѣреніемъ отыскать какую нибудь письменную замѣтку о временахъ давно минувшихъ на скалѣ или на камняхъ, изъ коихъ былъ когда-то сложенъ по всей видимости замѣчательный, христіанскій храмъ. Не посчастливилось въ этомъ. Кромѣ сказанныхъ камней ничего не попадалось, что бы говорило о дѣлѣ рукъ человѣческихъ. Перечитываю еще разъ 178 страницу любезной путеводной книги, боясь, какъ бы не осталось незамѣченнымъ и неизслѣдованнымъ что нибудь, видѣнное и изслѣдованное другими. Ни о чемъ тамъ не говорится, кромѣ *Моисеевой пещеры* на лѣвой (?) отъ церкви сторонѣ, т. е. достопамятной опой разсѣлины, въ которой укрывался Моисей въ моментъ богоявленія. Замѣтивъ на одной панорамѣ Синайской, вѣрно съ натуры снятой (*treu (?) nach der Natur gezeichnet*) пѣкиимъ *Бернацкомъ* (1858), ниже темени горы какую-то большую арку съ темнымъ подъ нее ходомъ, я и ее счелъ долгомъ отыскать и осмотрѣть, но ничего похожаго на рисунокъ не оказалось. Собирая на па-

мать камешки, я задался мыслию поискать кусочковъ мозаичскаго пола бывшаго храма, зналъ, что византийцы весьма любили этотъ родъ зодческой роскоши. На сей конецъ я спустился по камнямъ, образовавшимъ тутъ родъ лѣстницы, на сажень ниже уровня площадки, къ югу, по близости мечети, и совсѣмъ неожиданно уткнулся головою въ одну пещеру, довольно правильно высѣченную въ гранитной скалѣ. Отверстіемъ своимъ она обращена на востокъ. Въ ней могутъ укрыться 5—6 человѣкъ. Она суха, чиста и уютна, и такъ сказать влечетъ къ себѣ посѣтителя. Разумѣется, я спустился въ нее и утѣлся на ровномъ полу ея, смотря сквозь отверстіе ея на востокъ, на отвѣсный лучъ солнца и на лазурь небесную. Оказывается, что и эта пещера тоже слыветъ за *Моисееву*. и именно ту, въ которой онъ проводилъ свои 40 дней и 40 ночей ¹⁾. Радуюсь этой «находкѣ», я приурочивалъ ей значеніе систерны при бывшей тутъ когда-то обители, и ища по поводу сего на стѣнкахъ пещеры черепичной штукатурки, напалъ на то, чего болѣе всего желалъ пайти, на пятистрочную надпись на греческомъ языкѣ, отъ времени значительно поврежденную. Ясно различаемыя въ ней слова суть: *помяни* и *Козма* ²⁾. Ничего, похожего на лѣтоисчисленіе, при ней не видится. Кромѣ греческой была еще и латинская надпись, но она до того стерта, что кромѣ не многихъ отдѣльных буквъ ничего различить нельзя. Характеръ греческихъ буквъ очень древнъ и говоритъ собою о VIII и VI вѣкѣ по Р. Х. Что же? Не знаменитый ли «индоплаватель» несомнѣнно бывшій на Синаѣ, оставилъ по себѣ память эгою записью?

¹⁾ *Коробейниковъ* называетъ ее каменною темницею. Онъ, вмѣстѣ съ *Пококомъ*, признаетъ ее мѣстомъ 40-суточного пребыванія Моисея, *Барскій* и о. А. *Порфирій* не упоминаютъ о ней.

²⁾ Вотъ все, что я могъ разобрать: 1 ΘΘΩΝΟΦ... НУМ. 2) ΜΝΗΕΤΗ. Θ. ΡΗ. ΚΟΣΜΑΣ. 3 ΤΟΥΝΤΩΒ. ΕΤΥ.. ΤΟΥ. 4) ΤΗΜΟΚΡΑ... Χ.. ΟΒΡΙΝ. 5) ΚΟΣ.. ΟΝΤΙΑΣ. Нѣсколько иначе читалъ ее *Пококъ*.

Довольный послѣдствіями своихъ археологическихъ поисковъ, я поднялся на площадку, гдѣ всѣхъ нашелъ уже готовыми ѣхать обратно съ горы. Послужившіе намъ уставнымъ «утѣшеніемъ», самоваръ и мѣшокъ съ скомканными финиками были уже уложены въ корзины и взвалены на плечи быстротечныхъ бедуиновъ. Впечатлѣвая въ памяти своей своеобразную панораму Синайской пустыни, я нѣсколько минутъ любовался игрой тѣней, ложившихся на невообразимо неправильныхъ, дырявыхъ, карявыхъ, пусть—«кудрявыхъ», наконецъ, если уже того требуетъ вѣжливость писательская, утесахъ, отвесовъ торчавшихъ твердынями изумительныхъ размѣровъ. Выступали изъ хаоса всевозможныхъ линій очертанія ужасныхъ лицъ на полверсту въ діаметрѣ и цѣлыхъ фигуръ человѣческихъ. Гора св. Еписѣмъ позволяла экзальтированному воображенію различать въ себѣ три такія фигуры, окрещенныя имъ немедленно вѣщими именами Моисея, Аарона и сестры ихъ Маріамъ. Моисей, видимый въ профиль, въ чудномъ головномъ уборѣ, смотритъ въ небо, точно слушаетъ вѣщанія Божія. Ааронъ, en face, глядитъ прямо на Синай; широкая и расчесанная борода его, саженой въ 50 длины—примѣрно, точно колышется на груди его. Изъ за братьевъ выказывается сухая фигура ревнивой сестры, дерзнувшей, къ соблазну историческаго изслѣдованія, заявить разъ, что и ей *магола Бога* также, какъ Моисею. Но, вотъ—вѣнецъ игры воображенія—какая-то съ неясно очертаннымъ, скелето-подобнымъ лицомъ, въ чалмѣ, злая фигура претъ спиною всѣхъ трехъ гигантовъ въ бездну. Воображеніе подсказываетъ: Магометъ выталкиваетъ еврейство изъ Аравіи и Сиріи. Но, довольно предаваться мечтаніямъ! Прощаемся съ священнѣйшимъ мѣстомъ. И не знаю, что сказать ему на прощаніе. Самое лучшее, думаю, сказать: до свиданія!

Не боясь страха готовимся сходить, куда восходили съ трепетомъ. То былъ простой трудъ движенія, теперь предстоитъ

сложный трудъ движенія и вниманія; прямо опаснаго, впрочемъ, на всемъ протяженіи дороги ничего нѣтъ. Оборваться и слетѣть куда нибудь въ пропасть не предвидится случая. Отправились все вмѣстѣ, но не прошло и пяти минутъ, какъ по прежнему разбились на партіи, а потомъ на пары и наконецъ на единицы. Къ удивленію, послѣдніе на подъемѣ оказались первыми на спускѣ. Менѣе, чѣмъ въ полчаса я былъ уже опять у церкви св. пророка Іліи, и имѣлъ довольно времени осмотрѣть пристальнѣе чудную лужайку Хоривскую съ ея удивительнымъ кипарисомъ, въ ожиданіи, пока подошли, сильные грудью, но слабые ногами, спутники. Провожавшіе насъ, бедуины успѣли тѣмъ временемъ взбѣжать на восточную окраину окружавшихъ насъ высотъ къ мѣсту, гдѣ выходитъ на Хоривъ дорога, проведенная сюда отъ самаго монастыря Аббасомъ нашою. Удивительный, и какъ бы нарочно Богомъ посланный, человекъ! Задавшись мыслию устроить на Синай экипажную дорогу, онъ не жалѣлъ для сего ни денегъ, ни труда человѣческаго, и успѣлъ довести свою дорогу до самой Ильинской церкви. Увѣряютъ, что разъ и прѣзжалъ сюда, но подняться отсюда на вершину горы не рѣшился. Стобившая такихъ усилій, дорога, по смерти строителя, осталась безъ всякаго прирѣнія, и находятъ возможнымъ, что черезъ 10—15 лѣтъ исчезнетъ безслѣдно. Жаль, по иной судьбы она и ожедать не могла. Правительство мѣстное не имѣетъ никакого интереса поддерживать ее. У монастыря совершенно нѣтъ на это средствъ, и ничтожная польза, которую онъ могъ извлекать изъ нея, не шла ни въ какое сравненіе съ издержками на ремонтъ такого гигантскаго предпріятія. Дорогою этою однако же иногда пользуются, отправляя изъ монастыря на ослахъ для горней церкви случающіяся громоздкія вещи, что бываетъ въ полтора года разъ, по пословицѣ. Подъемъ по ней до церкви пр. Іліи длится часа три. Мы видѣли ее съ вершины горы, точно тоненькую змѣйку, всполазующую по ней. Въ концѣ подъема она имѣетъ, говорятъ, до-

вольно крутой наклонъ, и врѣзывается въ котловину Хоривскую нарочно сдѣланнымъ просѣкомъ въ одномъ изъ боковъ ея. На стѣнахъ сего просѣка можно видѣть удивительную игру природы—столько извѣстныхъ «Синайскія деревца» въ размѣрахъ настоящихъ деревьевъ. Полную полу образчиковъ такого геологическаго дива принесъ намъ одинъ изъ бедуиновъ. На багровой поверхности гранитнаго осколка, смотрю, рисуется чорный отпечатокъ какого-то пѣжнаго и кудряваго растенія. Онъ же видится и въ разломѣ камня, такъ что можно бы думать, что очеркъ чуднаго минералогическаго дерева проникъ собою насквозь гранитную массу. Но нѣсколько опытовъ показали, что рисунокъ легко стереть съ поверхности камня и повели къ заключенію, что онъ образуется только на поверхности его при первомъ, послѣ излома, воздѣйствіи на него воздушной струи. Впрочемъ и за эту теорію не поручусь. Собравшись всѣ вмѣстѣ, мы отдохнули немножко. На нѣкоторыхъ изъ общества нашего страшно было смотрѣть. Колѣна ихъ тряслись, точно въ судорогахъ отъ напряженія и непрерывнаго страха поскользнуться и упасть. Но за то смертнаго истощанія незамѣтно было ни въ комъ. Лица всѣ видѣлись бодрья и веселыя. Послѣ минутнаго совѣщанія рѣшились не взбираться на западную вершину Хорива, вѣря, что не тамъ надобно искать Синая, что бы ни говорила, скорая на возраженія, ученость, вѣяющая неказистый во всѣхъ отношеніяхъ, *Савсакъ* славою, вовсе имъ не заслуженною. Мы предпочли немедленно спуститься съ горы другою дорогою въ противоположномъ прежнему направленіи, именно въ долину *Ледже*, отдѣляющую Синай отъ горы св. Екатерины и ея отрошковъ. Мы стали пересѣкать діагонально Хоривскую площадь и почти на половинѣ пути остановились у одного утеса, подъ которымъ есть малая природная пустота. Эта пустота въ старое подвиголюбческое время служила келліею или затворомъ вѣроятно не одному отшель-

нику. Слыветъ же вообще подъ именемъ келліи преп. *Стефана* ¹⁾. Поднимаемся на южную окраину котловины. Между скалъ ея огрызаются довольно удобный выходъ въ сказанную долину. Мнѣ любопытно было увидѣть ея, можетъ быть болѣе другихъ имѣющую право называться неогысканнымъ до сихъ поръ *Рафидимомъ* ²⁾, — ея, по описаніямъ орошенную обильною водою и покрытую богатою растительностію. Но никакой долины не оказалось съ переваломъ за окраину. Торчали одни ближайшіе утесы, закрывавшіе собою весь скатъ горы. Надѣялся я по крайней мѣрѣ высмотрѣть всю вмѣстѣ гору св. Екатерины отъ подошвы до вершины: Но и это не вполне удалось. По мѣрѣ пониженія линіи глазомѣра, верхнія части исполинской горы стали прятаться за нижними, и она вмѣсто очертанія птицы, высоко поднявшей голову, начала походить на черепаху. Впрочемъ, смотря издали на спускавшіяся къ Синаю бока ея, казавшіеся гладкими, какъ полянка, я, соскучившись карабкаться по утесамъ, позавидовалъ «чужому добру», и гласно воздалъ хвалу не предлежавшему намъ пути. На это мнѣ не замедлили отвѣтить, что мы сами приближались къ такому именно пути, и можемъ сейчасъ испытать удобство его. Дѣйствительно, за послѣднюю массою камней открылся крутой и широкій спускъ въ долину, пачинавшую уже показываться въ глубинѣ. Казалось, можно было, по присловію, подхватить полы и побѣжать внизъ. Жестокая ошибка! Эта веселая прогалинка саженой въ 200 длиною потребовала въ три раза болѣе времени и крѣпкихъ усилій, чтобы благополучно пройти ее. Она вся устѣяна была мелкимъ камнемъ (отъ кулака съ юлову величиною), движущимся и бѣгущимъ изъ подъ ногъ по

¹⁾ Фиреръ говоритъ, что одну часть ея называли въ его время именемъ св. *Стефана*, а о другой утверждали, что тамъ спасался св. *Іоаннъ Египетскій*, написавшей въ ней *Scalam Paradisi*.

²⁾ Что *Рафидимъ* былъ у Хорива, въ этомъ не позволяеть сомнѣваться стихъ 6-й, 17-й главы книги Исхода.

изрытой и исковерканной наклонности горы. На каждомъ шагу можно было осгуниться и—конечно не полетѣть въ бездну, а—сломать ногу. Приходилось постоянно, какъ говорится, писать мыслете, держаться за землю и даже просто ѣхать по ней. Съ радостию выбрались снова съ этой «поляны» на крѣпкія и безопасныя скалы, откуда началась прежняя скачка или перепрыжка съ камня на камень. Много разъ казалось, что у известной грани начинается уже ложе долины *Ледже*, и все оно отодвигалось далѣе и далѣе, а бока противоположной горы росли и росли, превращаясь въ утесы безмѣрной величины. Наконецъ, за однимъ каменнымъ мысомъ Хоривскаго подгорья на право, показалось дерево, за нимъ другое, и мало по малу выступилъ цѣлый садъ масличный, къ которому мы и направились, полные благой надежды на покой.

Было уже за полдень, когда мы добрались до монастыря св. *40 мучениковъ*. Въ прохладной тѣни садовыхъ деревьевъ, намъ настлали рогожъ, принесли чистой родниковой воды, нарвали цвѣтовъ и наконецъ подали по чашечкѣ бедуинскаго кофе... самое пустынное ующеніе, да и то—излишнее. Ничего не хотѣлось, кромѣ одного: лежать и забыться. Отдыхъ нашъ длился часа два. Онъ кончился обѣдомъ безъ ложекъ, вилокъ и ножей, безъ блюдъ, безъ стульевъ, безъ стола, можно бы сказать даже—безъ обѣда, потому что все ограничивалось принесенною нами же коробкою сардинокъ съ прибавленіемъ мѣстныхъ произведеній земли: лука и салата. Между дѣлами успѣли однакоже осмотрѣть родникъ воды, садъ, огородъ и такъ наз. монастырь, т. е. небольшой дворъ, обнесенный высокою стѣною и обставленный немногими калитами съ подобною же имъ церковію. Убого, ветхо, тѣсно, сорно, душно, какъ все, имѣющее честь именоваться Синайскимъ. Начинаетъ быть не только грустно, но и прямо досадно отъ подобныхъ, повсюду повторяющихся, явленій. Но, *чесо изыдосте въ пустыни видѣти?* Можетъ быть и къ намъ обращено это еван-

гельское слово. Вѣроятно и всегда, славный иночествомъ, Синай таковъ же былъ по своей внѣшней обстановкѣ. Кому и для кого и для чего въ самомъ дѣлѣ устраивать здѣсь свѣтлые покои? Всѣ тутъ временные жильцы, загнанные въ пустыню именно желаніемъ не имѣть *пребывающаго града*, и все прекрасное и великолѣпное *уметы вмѣнять Христа ради*, удобство же жизни считать нарушеніемъ самыхъ основъ иноческаго подвига. Жителямъ страны такія заведенія, какъ монастырь 40 мучениковъ, кажутся чуть не царскими чертогами ¹⁾, и имѣютъ свое неотъемлемое достоинство то, что не возбуждаютъ, всегда готового проснуться, истиннаго грабежа. Что же касается поклонниковъ и туристовъ, то не все ли равно для нихъ, защищаетъ ли ихъ отъ зноя, вѣтра, дождя и вражескаго нападенія дворецъ или простой дворъ? На закопченныхъ стѣнахъ какого-то сарая видится множество надписей разползычныхъ и разновременныхъ, черченыхъ углемъ, гвоздемъ, карандашомъ и чѣмъ попало. Есть между ними довольно старыя, писанныя большими латинско-готическими буквами. Ищу между ними какой нибудь замѣтки нашего земляка «Илаки Албова, уроженца Кіевского, монаха Антіохійскаго», тутъ «обнощевавшаго» двукратно. Но въ оба раза онъ, подобно намъ, настолько былъ утомленъ, что вѣроятно не имѣлъ времени подумать о томъ, что придетъ сюда черезъ полтора ста лѣтъ послѣ него усердный читатель и одношкольникъ его, и будетъ искать замѣтокъ многопотрудившейся руки его, какъ искалъ и нашелъ одну такую среди другой глухой пустыни въ лаврѣ св. Саввы Освященнаго. Великій боголюбецъ не занесъ здѣсь своего имени на память. Ищу его въ большомъ монастырѣ, гдѣ такими ко-

¹⁾ И не однимъ бедуинамъ. Въ свое время (1655 г.) de Thevenot находитъ монастырь этотъ assez joly, а церковь его называлъ даже прекрасною (belle). Тотъ же писатель увѣряетъ, что лучшіе плоды, какіе въ его время можно было находить въ Каирѣ, доставлялись туда изъ сада при этомъ монастырѣ.

лоссалыными буквами высѣчено по граниту, къ истинному удивленію зрителя, одно, еще совѣмъ не славное, русское имя. Еще въ самомъ началѣ отдыха нашего, предложенъ былъ на обсужденіе вопросъ: возвратиться ли сегодня же въ гостепріимную обитель, или ночевать здѣсь, и завтра рано утромъ идти на гору св. Екатерины. Изъ 7 голосовъ одинъ только оказался въ пользу послѣдняго предложенія. Послѣ столько живо-памятнаго еще восхода на Синай, ни у кого не доставало духа помыслить о новомъ, и еще труднѣйшемъ, подъемѣ на высоту, не имѣющую такого историческаго значенія, какъ Синай. Для очистки совѣсти, тотъ же вопросъ возбужденъ былъ снова передъ отбытіемъ изъ мирнаго пріюта. Двучасовой отдыхъ не произвелъ никакой перемѣны во взглядахъ. Итакъ мы подхватили свои батожки, и пошли по долинѣ Ледже на сѣверъ, огибая Хоривъ. Долина вскорѣ приняла видъ настоящаго ущелья, напомнившего намъ нѣсколько вчерашній оный ужасный проходъ горный. По лѣвую руку у насъ то бѣжалъ, то скрывался ручеекъ, начавшійся еще у монастыря 40 мучениковъ. Его неоднократно перегораживали огромныя глыбы каменныя, отвалившіяся отъ павшихъ на него твердынь горы *Хамръ*, къ которой онъ течетъ ближе, чѣмъ къ Хориву. Выпадаютъ оазисами цѣлыя лужайки при потокѣ, усаженныя деревьями. Очень можетъ быть, что въ старыя (разумѣю—христіанскія) времена долина эта была очень красива и оживлена, и могла напоминать собою пустыннымъ рай Божій. Слѣды ея минувшаго благосостоянія еще кое-гдѣ замѣтны. Подходимъ къ большому камню, откатившемуся отъ утесовъ Хорива, не достигшему потока и ставшему твердо на косогорѣ въ поученіе вѣкамъ и въ пореченіе человѣкамъ. Намъ объяснили, что это знаменитый камень, изъ котораго чудотворецъ Моисей ударомъ жезла источилъ воду. Много слышалъ, читалъ и думалъ я о немъ, а изъ путеводной книги 1845 г. даже узналъ, что христіанинъ *не долженъ* вѣрить подобному разсказу о камнѣ семъ; ибо хотя у камня Моис-

сеева и сотворено было чудо, но чудо не такое, которое бы не оставляло мѣста естественному ходу или строю вещей, и не могло быть объяснено, потому, обыкновенными приѣмами логики и физики. Тѣмъ камнемъ могла быть только природная скала, подъ которою вдругъ могла быть направлена водная подземная жила, при первомъ палочномъ ударѣ по камню имѣвшая вспрыгнуть къверху, разорвать скалу и политься рѣкою. Чудо, не переставая быть чудомъ, подойдетъ такимъ образомъ подъ общіе законы естества, удовлетворивши «и нашимъ и вашимъ». А подъ камень, отвалившійся отъ горы, можетъ ли быть подведена вода? И можетъ ли она перескочить изъ земли въ камень, когда ихъ ничто не раздѣляетъ? И для чего бы ей разрывать тогда камень, когда всего проще вытечь изъ подъ него?—Судите сами! Что такая аргументація скрывается въ упомянутомъ запрещеніи вѣрить случившемуся съ камнемъ симъ, думаю, никто не будетъ отрицать. Что сказать о ней? Не знаю. Независимо отъ нея, мы къ одному съ путеводною книгою пришли заключенію, внимательно осмотрѣвши камень. Такъ какъ единственное, по всей вѣроятности, основаніе признавать сей камень за оный чудотворный есть существующая на немъ почти вертикальная узкая полоска бѣлесо-ватаго цвѣта, проходящая черезъ него насквозь сверху до низу съ горизонтальными неглубокими выемками въ видѣ ступенекъ, образовавшимися предположительно отъ теченія по ней воды, и такъ какъ это обстоятельство можетъ быть объяснено прямою структурою камня, то и нѣтъ причины вѣрить, ничѣмъ другимъ не свидѣтельствованному, преданію о семъ камнѣ. Камень весь гранитный. Полоска она кремнистаго свойства. Она составляетъ въ немъ отдѣльную жилу, сама есть полный, цѣльный камень, механически сросшійся съ остальною массою. Это уже одно ослабляетъ ходячее мнѣніе о ея происхожденіи. Но оно окончательно устраняется простымъ соображеніемъ, что если бы дѣйствительно полоска та произошла отъ теченія по ней воды, то

быть не можетъ, чтобы струя водная, имѣвшая силу просверлить кременчатую породу, не оставила по себѣ знаковъ и на прилежащемъ къ полосѣ гранитѣ. А ихъ нѣтъ.

Съ долины *Ледже* вышли мы на широкую равнину *Раха*. Надобно сознаться, что первый взглядъ на нее невольно наталкиваетъ на мысль, что здѣсь всего удобнѣе, а потому и естественнѣе, было расположиться великому ополченію. Исполинскія горы, замыкающія ее со всѣхъ сторонъ, не даютъ вѣрнаго понятія о величинѣ ея. Она должна быть настолько обширна, что съ избыткомъ могла дать мѣсто всему Израилю. Мы стали оглядывать съ сѣвера Гору Божию, т. е. со стороны пика *Сафсафе*, который по близости не былъ намъ видѣнъ. И съ этой стороны есть тоже стезя, ведущая на гору. Бедуины не затрудняются выходить ею. Разъ сошла ею съ горы даже одна европейская путешественница, и нашла ее хотя и трудною но не опасною. На одной изъ выступающихъ въ равнину скалъ надобно искать и мѣста, гдѣ опечаленный и разгнѣванный Моисей повергъ и сокрушилъ Скрижали Завета ¹⁾. Приближаемся къ дорогѣ, которою подъѣзжали вчера къ монастырю. Я очутился почему-то впереди всѣхъ. Единственный спутникъ мой, молодой бедуинъ, подозвалъ меня къ одной ямкѣ довольно страннаго очертанія, образовавшейся въ дочеловѣческой періодъ земли въ скалистой почвѣ равнины, и долго что-то рассказывалъ мнѣ. Я притворился, что не понимаю, о чемъ идетъ рѣчь его. Онъ схватилъ себя за голову, приставилъ къ ней руки на подобіе роговъ, сталъ мотать ею и мычать... Кончилъ тѣмъ, что засмѣялся вмѣстѣ со мною. Мнѣ черезъ чуръ достаточно было впечатлѣній вынесенныхъ отъ

¹⁾ Нашъ покойный профессоръ *Левисонъ*, помню, увѣрялъ меня, что въ Самарянскомъ храмѣ на горѣ *Гаризинъ*, также какъ и въ Іерусалимѣ, хранились Скрижали Завета, и что они были обломки сокрушенныхъ Моисеемъ. «Не могли же евреи, не взять ихъ съ собою, уходя съ Синаи», навѣрно замѣчалъ ученый мужъ.

«камня Моисеева», чтобы пожелать еще новыхъ подобныхъ отъ камня Ааронова. Должно же быть, въ самомъ дѣлѣ, какое-нибудь мѣрило преданіямъ. Что же это за телець долженъ былъ выйти изъ такой, ни на что не похожей, формы литейной, да и тотъ—безъ ногъ и безъ туловища? Но оставимъ преданіе, и займемся фактомъ. Гдѣ нибудь въ этихъ мѣстахъ золотой телець несомнѣнно былъ вылитъ, торжественно поставленъ передъ народомъ, и принялъ божескія почести.. Это, поражающее умъ и сердце, обстоятельство, такимъ безтрепетнымъ, безстыднымъ и прямо безбожнымъ протестомъ ставшее всему, что совершалъ Моисей, я думаю, не было бы занесено въ бытописаніе Моисеево; если бы, по намѣренію своему, имѣло дѣйствительно протестующую силу. Больше сего я не знаю, что сказать. Могъ ли весь народъ, по прошествіи какихъ нибудь пяти недѣль, до того забыть страшный день вступленія своего въ заветъ съ Богомъ, что рѣшился прямо отступитъ отъ Бога? Но дѣло еще хуже и еще непонятнѣе. Онъ не только не забылъ дня того, но какъ будто нарочно хотѣлъ ему противопоставить *свой* день, советъмъ другаго значенія, хотѣлъ уничтожить и опозорить величайшее изъ событий. Въ тотъ день, съ вершины гремѣвшей и пламенѣвшей горы, въ слухъ всего Израиля сказано было: *Азъ есмь Господь Богъ твой, изведый тя отъ земли Египетскія*. Теперь на божественныя слова злобно и посмѣвательно отвѣчаютъ: *сіи боги твои, Израилю, иже изведоша тя изъ земли Египетскія!* Тогда износилось повелѣніе: *не сотвори себѣ кумира*. Теперь съ воплемъ требуютъ: *сотвори намъ боги!*. Что это такое? Нѣтъ, повторяю, тутъ не протестъ противъ монополіи дѣйствій Моисеевыхъ, какъ бы можно было подумать. Гораздо больше его. Тутъ возобновленіе борьбы на жизнь и смерть, совершающейся гдѣ-то далеко за Синаемъ, и напоминающей собою страшное препирательство: *смертію умрете*,—съ одной стороны, *не смертію умрете*—съ другой. Та пря шла въ началѣ завета Божія

съ челоуѣчествомъ. Эта не замедлила обнаружить себя при началѣ завѣта Божія съ избраннымъ народомъ,—съ образованіемъ церкви подзаконной. Ааронъ тутъ заступилъ мѣсто Евы, а змій заговорилъ стами тысячъ устъ. Какъ онъ ни безстыдно клеветалъ, но добился своего въ другой разъ,—поставилъ на своемъ. Народъ самъ давалъ золото въ руки Аарону, видѣлъ, какъ тотъ топилъ и переливалъ его, зналъ, что этотъ новоотлитый телецъ не существовалъ ни вчера, ни третьего дня, и не стыдился говорить: *сѣмъ Бози твои, иже изведоша тя* и пр. Какъ бы то ни было, но фактъ психологически необъяснимый. Что подумать о временахъ тѣхъ, о духѣ лучшаго изъ народовъ древности, о религиозныхъ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ вообще, о дѣйствіи чудеснаго на душу, о дѣйствіи времени на чудесное, о значеніи инстинктовъ въ вѣрѣ, привычекъ въ мышленіи, увлеченій въ жизни и т. под.? По ту сторону равнины указываютъ мнѣ плоскій каменистый холмъ, пріютившійся къ горѣ «монастырской». На немъ стояла когда-то Скинія Свидѣнія, говорятъ намъ. Пусть. Гдѣ нибудь должна же была она стоять. Появленію сей родоначальницы церкви христіанскихъ хотя непосредственно слѣдовало за обнаруженіемъ въ народѣ желанія имѣть боговъ, *которые бы ходили предъ нимъ*, но не было слѣдствіемъ его. Скинія дѣйствительно замѣнила ему собою боговъ и удовлетворила набожному чувству людей, имѣвшихъ неотложную надобность въ видимомъ знаменіи богоприсутствія. Но мысль о сей Скиніи упредила собою вспышку чувственного возрѣнія Израильтянъ на богопочтеніе,—этой закваски египетской, вынесенной ими съ собою въ пустыню изъ земли «идолобъсной» взамѣнъ, недостававшаго ихъ послѣднему хлѣбу, броженія. О ней подробныя получалъ наставленія и разъясненія на горѣ Божіей Законодатель, когда народъ внизу потребовалъ себѣ боговъ. Этимъ устраняется, ловимая почитателями «естественныхъ чудесъ» такъ называемая, политическая связь событій, переданныхъ къ свѣ-

дѣнію челоуѣчества Моисеемъ. И слава Богу, однимъ зломъ менѣе.

Обогнувъ гору съ юга и запада, мы вышли въ короткую долину *Шуэйбъ*, знакомую уже намъ по вчерашнимъ впечатлѣніямъ, поровнялись съ монастырскимъ садомъ, вошли въ него, осмотрѣли его, полакомились его не многими плодами, потужили надъ его воображаемою не долговѣчностію, и черезъ него возвратились въ мирную обитель. Было же это уже по закатѣ солнца.

Что-то какъ будто уцало или сѣло, а потомъ и легло, на плечи мнѣ, что-то и не тяжелое, но давящее, не жгучее и не рѣжущее, но глубоко щемящее, страшное, но и влекущее,—будто и свое и чужое вмѣстѣ,—и новое и давно извѣстное,—и непроглядно-темное и лучезарное до восхищенія.. Что бы это такое было? Конечно,—онъ самъ, богошественный Синай. Грузенъ онъ безмѣрно, таинственъ не въ моготу и молчаливъ теперь невыносимо. *Обойти Сіонъ, и объять его и воздать въ немъ славу*—все равно, что помануть рукой. Подъ ласкающій тонъ священной пѣсни этой, я не разъ и обходилъ Сіонъ мирный, свѣтлый и благостный, и обымалъ его взоромъ сердца и ума, и славословилъ въ немъ безотчетно Бога. Такъ легко это сдѣлать христіанину! Но... обойти СИНАЙ, объять его исторически и богословски, и задаться въ немъ мирнымъ и умиленнымъ славословіемъ, подъ ужасающій громъ и шумъ и трескъ законодательства, гулъ мятежнаго ропота, кличъ идолопоклонства, плачь раскаянія, вой убиваемыхъ безъ разбора 3.000 мужей и пр. и пр. итъ, это не по силамъ намъ, отстоящимъ отъ него на 33 вѣка.

